

Сергей Евгеньев

*Господину Филиатову
Прошу расследовать.*

Д Э Л О

ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

**В ПОИСКАХ
ИДЕАЛА**

Начато *16 Августа* 1897 года.

Кончено *16 Ноября* 1905 года.

Разглашению не
подлежит

Сергей Евгеньев
В поисках идеала

«Автор»

2023

Евгеньев С.

В поисках идеала / С. Евгеньев — «Автор», 2023

1897 год. В Москве бесследно исчезает купеческий приказчик Устин Ушаков. У него не было ни врагов, ни недоброжелателей. Знакомые отзываются о пропавшем самым лестным образом, как об идеальном сотруднике, и хлопчут о его розыске перед одним из лучших московских сыщиков Владимиром Филатовым. Тот берётся отыскать Устина. Филатову придётся заглянуть за изнанку внешне пристойного, полного лоска и роскоши купеческого мира. Помимо обычных склок, на поверхность всплывут тайны, обладатели которых не пожалеют ничьей жизни за их сохранность. Чьи интересы волей или неволей нарушил Устин? Сможет ли Филатов распутать загадочный клубок и отыскать исчезнувшего?

© Евгеньев С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Евгеньев

В поисках идеала

Глава 1

Нижний Новгород, август 1897 года.

Приказчик выскочил из прохладного нутра магазина на залитую солнечным светом улицу. Ловко обогнув спешащих по делам людей, он остановился у самого края тротуара и посмотрел туда, где располагался Главный ярмарочный дом. От усердия пришлось приподняться на цыпочки – рост не позволял смотреть поверх голов снующей мимо публики. Солнце слепило даже сквозь руку, приложенную ко лбу навроде козырька – шляпа осталась на прилавке. Блеска добавляла и идеально начищенная вывеска магазина «Товарищество мануфактур Савелия Морозцева и К^о», жёлтые буквы которой на красном фоне сияли золотом. Глаза от напряжения стали слезиться, а ноги затекли от долгого нахождения в неестественной позе. Тут ещё чей-то служащий в серой пиджачной паре, торопившийся так, что почти бежал, пихнулся локтем: «Ишь встал, подвинься». Приказчик от неожиданности ступил на дорогу и чуть не оказался под копытами лошади, везущей элегантную коляску. Конское фырканье над ухом и грохот колёс по булыжнику привели его в чувство. Он даже успел, не выдавая приключившегося конфуза, учтиво поклониться благообразному, седобородому мужчине в старомодном сюртуке и галстукe, заколотом булавкой с огромным изумрудом. Рядом с представительным стариком сидела молоденькая спутница, которая томно обмахивалась веером и порой чересчур интимно прижималась к своему кавалеру открытым плечиком. Важный господин еле заметно кивнул в ответ, а жеманная кокотка даже глазом не повела. Пара, в другом месте вызвавшая бы изрядный скандал и нескончаемые пересуды, спокойно взирала на кипящую внизу суету с мягких диванов экипажа. Сейчас, во время главной всероссийской ярмарки, такая картина особого удивления не вызывала – повод позлословить, не более того.

Стекла в витринах были начищены до прозрачности и отражали замершего в благоговейном полупоклоне приказчика, смотревшего вслед удаляющейся коляске. Старший из продавцов Пётр, высокий и жилистый мужик, подпиравший плечом косяк входной двери, за всей этой суетой наблюдал спокойно, лишь ухмылялся в густую, обильно подёрнутую сединой бороду.

– Чаеоторговец Тихомиров молодую жену отыскал в ресторанном оркестре. Ты глянь – катаются у всех на виду, не таясь. Ничего – помиловались месяцок, пора и по домам: купцу к своей благоверной под бок, а барышне подаренное воздыхателями проживать. Через год опять приедут и по новой жениться станут. Если, конечно, Тихомиров ко Господу не преставится, возраст всё-таки, – не удержался от колкости хмурый продавец. Он даже хотел презрительно сплюнуть на тротуар, но в последний момент удержался – сам же недавно заставлял продавцов всё вымести перед лавкой до идеальной чистоты.

– Тебе-то что за печаль, кто с кем милуется? – важно ответил приказчик, словно и не гнул мгновение назад спину перед богатым купцом. – Ты не по сторонам на юбки без толку глазей, а смотри – Савелия Трофимовича не пропусти! Придёт хозяин, устроит нам трёпку – будешь знать!

– Так за что нас ругать? Почитай, лучший магазин на всей ярмарке. Мы своё дело крепко знаем. Чистоту ещё с утра навели – ни пылинки. Сами одеты с иголочки, опрятные. Ни у кого ни рожи опухшей, ни духу винного – не зря у его степенства хлеб едим, – ответил Пётр. –

Ну покричит, линейкой мерной по спине приласкает, как положено. Большому начальству по-другому нельзя, а мы потерпим хозяйскую ласку, не переломимся.

Приказчик, который такую ласку от хозяина не любил, ничего не ответил, но грустно подумал: «Прошка сказал, что вчера в ресторацию Савелий Трофимович отправились только в одиннадцатом часу вечера. Ужинали стало быть они никак не раньше, чем до двух пополуночи, а утром в десять присутствие в ярмарочном доме открывается. Злой будет от недосыпа, а ежели с вином вчера перестарались – то совсем пиши-пропало». Сведения о планах Морозцева были верные – от его слуги Прохора. В этом году Савелию Трофимовичу выпала честь исполнять обязанности Главного ярмарочного распорядителя, поэтому занятой с утра до позднего вечера купец в свой магазин наведывался не так часто, как обычно, доверив служащим лавки принимать покупателей, за исключением самых крупных, с которыми, по-прежнему, дело вёл лично. Справлялся, по его собственному мнению, приказчик неплохо, рассчитывая на щедрое вознаграждение за труды по итогам торговли, но была и ложка дёгтя в этой, пока ещё воображаемой, бочке мёда – из-за недостатка времени отчитывал работников Савелий Трофимович теперь вдвое строже. «Драл, как Сидоровых коз», – по выражению Петра. Каждый визит Морозцева был сродни урагану, после его ухода приказчик с продавцами ещё долго смотрели друг на друга ошалелыми глазами, утирая пот с покрасневших, горящих лиц. И всё-таки купец задерживался, уж четверть часа как должен был нагряться.

– А что в городе слышно? Не произошло ли чего? – спросил приказчик у Петра, который после закрытия торговли имел обыкновение переодеться в костюм простого работяги и отправиться туда, где отдыхали после тяжёлого дня лодочники, носильщики, грузчики, подённые рабочие – в общем, представители самого дна, последней ступени, за которой начинался мир живущих по ту сторону закона. Пётр оттуда пробился в старшие продавцы лучшей в городе лавки, но привычка к былой жизни осталась, заставляя с закатом солнца отправляться в грошовые кабаки и рабочие ночлежки. Купец смотрел на это спокойно: хмельным Пётр не увлекался, в лавке всегда был опрятен и вежлив, держа прочих продавцов-мальчишек в строгости, зато жизнь города знал с изнанки.

– В старом амбаре на Оке вчера ночью большие дела были, – начал было Пётр.

– Это в котором? – встрепенулся приказчик.

– Толком не знаю. Арестовали там... Даже не знаю кого. И жандармы были с их летучим отрядом и полицейские чины, правда не местные. Поговаривают, что до стрельбы дошло, и губернатор лично туда выезжал. Большую банду взяли. Наверное, политических поймали – уж больно секретно всё, не иначе социалисты какую пакость готовили.

Приказчик вздохнул. Вряд ли Савелий Трофимович вчерашней ночью туда наведывался, всё ж дела не ярмарочные, но чем чёрт не шутит. Устав ломать голову, он опять внимательно посмотрел на дорогу. Обычно скорое появление купца было заметно издалека: или неслась чёрная, лакированная до блеска коляска, или он сам уверенно двигался посреди прохожих, как медведь сквозь чащу, раздвигая нерасторопных своими широченными плечами. Только дам отстранял с пути огромной лапой, бубня густым басом: «Пардон, мадмуазель», что являлось для Морозцева верхом учтивости. Сейчас ничего подобного не происходило. Обычная суета, к которой за месяц ярмарки все её завсегдагаи уже привыкли. Приказчик приосанился и развернулся, чтобы идти внутрь магазина, но столкнулся с прохожим, бредущим вверх по улице. Внешне тот ничем примечателен не был – мужчина лет тридцати пяти, крепко сбитый, высокий, одетый хорошо, но без вычурности. В Нижний Новгород в это время приезжали подданные с разных концов Империи, поэтому человек, носящий костюм по европейской моде, внимания не привлекал. Тут уже яркие халаты и чалмы купцов азиатских эмиратов и ханств примелькались, не то что стандартные пиджачные пары. Приказчик, по навсегда усвоенной привычке, кивнул незнакомцу, поздоровался и извинился за собственную неловкость. Тот ответил, приподняв светлую, летнюю шляпу, и вдруг уселся на скамейку между витри-

нами магазина, спрятанную от солнца или непогоды под полотняным тентом. Положил рядом с собой трость, откинул голову назад, прислонившись затылком к прохладному камню стены, и полуприкрыл глаза. Пётр удивлённо посмотрел на приказчика, но тот в ответ лишь недоумённо пожал плечами.

– Господин, у вас всё хорошо? – поинтересовался у нежданного визитёра продавец. – Не желаете ли чего?

– Ничего не надо, благодарю вас. Отдохну несколько минут, с вашего позволения, и пойду дальше. Устал немного, – ответил незванный гость, отчего-то болезненно бледный.

– Может быть, хотите воды? Если нездоровится – давайте экипаж свистну, чтобы вас к доктору довёз, – предложил приказчик, стараясь избавиться от прохожего, так некстати появившегося перед визитом хозяина.

– Не нужно, спасибо, – покачал головой мужчина, утирая испарину со лба. – Пожалуй, пойду дальше. Не буду вам мешать.

Он взял шляпу, в другую руку трость, сел прямо и глубоко вздохнул. Приказчик с продавцом стояли рядом, на их лицах застыло фальшивое участие. Тут-то и подкатила чёрная, лакированная до блеска коляска. Незнакомец тяжело поднялся, а навстречу ему из экипажа выпрыгнул на тротуар Морозцев. Купец мельком глянул на своих работников, а потом внимательно посмотрел на прохожего, собравшегося было идти восвояси.

– Господин Филатов? Быть не может! Это вы? – Савелий Трофимович развёл руки в стороны, словно собирался обнять собеседника.

– Вы не ошиблись, господин Морозцев, это, действительно, я. У вас отличная память, – незнакомец богатейшего промышленника империи, конечно, узнал, а вот то, что тот помнит человека, виденного до сегодняшнего утра от силы раза три, да и то на каких-то светских мероприятиях с большим количеством гостей – было неожиданно.

– Ну что вы, что вы... Лучшего сыщика Москвы да не узнать! Не скромничайте, – купец улыбался, но взгляд оставался настороженным. – К нам какими судьбами? Неужели лавку мою посмотреть захотели?

– Я как раз интересовался, не угодно ли чего господину, – влез было в разговор приказчик, но Морозцев его оборвал:

– Коли Владимира Андреевича увидели – не интересоваться нужно, а встречать, как самого дорогого гостя и посылать за мной!

– Перестаньте, Савелий Трофимович. Откуда вашим служащим меня знать? – загадочный незнакомец вступился за пошедшего красными пятнами приказчика. Пётр же во время всего разговора стоял как каменная статуя, лицо его было бесстрастно. – Вот ярмарку решил посмотреть своими глазами. Столько слышал, а не видел ни разу.

– Ярмарку обязательно надо посмотреть, чтобы оценить размах. Почитай, вся Россия-матушка здесь торгует, все сколько-нибудь значимые купцы тут. Позвольте я вам сейчас всё в лучшем виде и покажу. Кто лучше Морозцева ярмарку знает? На коляске моей проедем от начала до конца. Можете и купить что-нибудь, если интересуетесь.

– Неловко занимать ваше время, – Владимир Андреевич рассматривал добротный экипаж купца, – но отказываться не буду. Второй раз такой случай может и не представиться.

– Располагайтесь, как вам удобно, а я со своими работниками буквально на пару слов... – Савелий Трофимович подошёл к приказчику с Петром, что-то спросил и внимательно слушал ответ, затем махнул рукой: – Вечером договорим.

Гость не спеша подошёл к коляске, степенно забрался в неё и с видимым облегчением устроился на мягком диване. Купец шустро оббежал упряжку и уселся рядом с Филатовым. Кучер цыкнул языком, тряхнул поводьями, и лошади мерно зацокали подковами по булыжнику мостовой.

– Ну и кто это был? – Пётр вопросительно смотрел на приказчика. Тот в ответ лишь пожал плечами и отправился внутрь лавки.

Владимир Андреевич Филатов широкой публике известен не был: не обладал он ни миллионными капиталами, ни громким титулом, ни завидным родством, ни шумной популярностью. И всё же те, кому посчастливилось (либо, наоборот, в зависимости от обстоятельств) с ним столкнуться по роду его занятий, хранили о Филатове самую крепкую память. Служил Владимир Андреевич в Московском сыском управлении, служил уже почти пятнадцать лет и успехов достиг немалых, главным из которых была его репутация. Вот и Морозцев сразу признал неожиданного посетителя. Среди людей высшего сословия слава о Филатове ходила разная: кто-то восхищался его умом и проницательностью, кто-то недовольно сетовал на дурное для дворянина, пусть и захудалого рода, воспитание. Мол, слишком резок и прямодушен, не худо бы приличным манерам обучиться. Впрочем, и те, и другие не отрицали, что Владимир Андреевич в сложной жизненной ситуации им, безусловно, помог. Сам Филатов своими успехами не кичился, и никогда о них не распространялся, как помалкивал и о знакомствах, которые имел в высшем свете.

В Нижний Новгород Филатов приехал по служебной надобности. Долгое и сложное расследование, в котором он принимал участие, подошло к концу, пора было ставить точку. Не без его содействия была раскрыта крупная шайка, промышлявшая фальшивомонетничеством. Размах у преступников был грандиозный: купюры печатали в Варшаве, а потом через Москву пускали в оборот и отправляли по всей России. Следили за бандитами с огромной осторожностью, участие в операции принимали люди сплошь проверенные. Были сведения, что кое-кто из нижних чинов полиции состоит у злоумышленников на довольствии, предупреждая о возможных каверзах властей. В такой обстановке – одно неосторожное слово и исчезнут подозреваемые, как утренний туман, тогда всё насмарку. Вот и пришлось Владимиру Андреевичу, который выследил московскую часть банды, отправиться на нижегородскую ярмарку, где намечалась невиданная доселе по масштабу сделка с фальшивками.

Филатов всё время был настороже, ожидал подвоха. Слишком много людей задействовано в операции, слишком тёртые и осторожные противники им противостояли. Опыт подсказывал, что не всё пройдёт без шероховатостей и ошибок. Однако, вопреки чаяниям, никаких неожиданностей не случилось – дело шло, как по маслу. Преступников ничто не вспугнуло, полицейские действовали уверенно, точно по плану. «Придумано толково: работаем быстро, с наскока, без лишних проволочек. Утром приехали – вечером накрыли всю шайку. И местные наблюдатели не лыком шиты – не выдали себя и всё точно доложили», – размышлял Владимир Андреевич, прогуливаясь поздним вечером у приземистого, длинного склада на берегу Оки. Задерживать лихую компанию, ввиду её опасности, должны были жандармы из летучего отряда, полицейские чины для страховки стояли поодаль от места основных событий. Филатову выпало наблюдать за дальним складом, где вообще никаких происшествий не ожидалось. «Отправили сюда, чтобы не обидеть, но и не рисковать. И в стороне стою, и в задержании участвую вроде как», – думал московский сыщик, наблюдая за освещённым бледным лунным светом пятачком земли. «Дудку эту ещё подсунули. Нашли горниста», – Владимир Андреевич с раздражением одёрнул небольшой рожок, в который требовалось подать сигнал тревоги в случае чего. К новой детали гардероба он никак не мог привыкнуть, та болталась на поясе и колотила по ноге.

Склад был глухой, без окон. Единственное тёмное оконце в его торце располагалось под крышей на высоте не меньше двух сажень¹ от земли. «Ничего тут не произойдёт, всё самое интересное будет у входа в амбар, где сейчас жандармы», – Филатов посмотрел на часы. Тревожные предчувствия не оставляли сыщика. Больно уж гладко всё идёт – не к добру. Тишина

¹ Больше четырёх метров.

вдалеке вдруг взорвалась треском ломаемого дерева, криками, а спустя несколько мгновений, выстрелами, приглушёнными кирпичной, не меньше метра толщиной, кладкой складских стен. «Точно в срок начали», – отметил сыщик. Сердце забило чаще, ладони чуть взмокли, мышцы наполнились упругой силой – инстинкт, ничего не поделаешь, пусть и стоишь на задворках, но операция началась, тело рвётся в бой. Филатов всматривался, не побежит ли кто от входа в ночную темноту. Вероятность ничтожно мала – из жандармского кольца не вырваться, все выходы прикрыты, но он не расслаблялся ни на секунду. Пока не протрубят условный сигнал об окончании дела, случиться может всякое. Вдруг сверху зазвенело битое стекло. Зазвенело неожиданно, а оттого оглушительно. Осколки, весело прыгая, посыпались по земле. Вслед за ними в узенькое окошко ловко, как змея, протиснулся тщедушный, невысокий мужичонка и не раздумывая сиганул вниз. «Подросток что ли? Для взрослого маловат вроде. Расшибся, наверное, высота-то какая», – Филатов снял казённый сюртук, чтобы не мешал и собрался пойти и осмотреть беглеца. Тот, не издавая ни звука, резко вскочил, словно подброшенный невидимыми пружинами, и бросился в проулок, где дежурил сыщик. Владимир Андреевич вынырнул из темноты наперерез быстро мчащемуся, как будто и не падал только что, парню. «Шустрый какой, не догоню», – прикинул охотник и резко ударил поравнявшуюся с ним добычу тростью по голени. Преступник кувырнулся и взвыл. Казалось, что его крик, отражаясь от речной глади, разлетелся по всему городу. Трость у Филатова была особенной – утяжелённой.

Любил московский чиновник упражняться с гириями, посещал атлетический клуб, отчего и сложение имел крепкое, внушительное. По улицам тоже ходил с железной палкой, замаскированной под трость, чтобы лишний раз давать нагрузку мускулам. «Ногу сломал, сука», – скулил поверженный, распластавшись в дорожной пыли. Владимир Андреевич, не обращая внимания на брань и стоны, склонился то ли над подростком, то ли над хлипким мужичком. «Посмотрим, кто ты есть», – пробормотал он. Незнакомец, лежавший до этой секунды неподвижно, вновь выкинул фокус – подпрыгнул, как подброшенный, развернулся в воздухе, а навстречу сыщику вылетело зажатое в руке тусклое лезвие ножа. «Всё же мужчина: усики-стрелочки над тонкими, малокровными губами и злые глаза, обрамлённые густой сеткой морщин», – думал Филатов, а руки уже сами по себе повторяли тысячи раз отработанные приёмы: левая отводит оружие в сторону от горла, правая бьёт точно в переносицу. Раздался чавкающий звук ломаемой кости и гуттаперчевый человек наконец-то обмяк, светло-серые, водянистые глаза закатились. Владимир Андреевич замер. Он услышал зловещий хруст и по позвоночнику покатила холодная капля пота. «Только не это», – сыщик облизал враз пересохшие губы.

Филатов не боялся, что ненароком прибил преступника до смерти, как комара – не будет больше на полицейский чин с финским ножом кидаться. Хрустнуло в спине, прямо в пояснице, когда сыщик дёрнулся назад, чтобы уклониться от подлого удара, который мог стоить ему жизни. «Сюртук снял, разгорячённый на холодном ветру резко увернулся – вот и результат», – обречённо понял Владимир Андреевич, чувствуя, как тупая боль молотком начала постукивать по костям, разминаясь и проверяя свою силу. Недуг этот уже лет пять не давал покоя сыщику, возвращаясь каждый раз неожиданно, а уходя медленно и неохотно, выматывая до крайности. Всё было знакомо: ночью теперешняя скованность мышц смениться ощущением, будто в поясницу при малейшем движении втыкают раскалённые гвозди. Затем потребуется не меньше часа, чтобы заново научиться ходить: сначала по чуть-чуть, кое-как, согнувшись, ожидая, когда привыкнешь к резким всполохам в глазах от каждого шага, радуясь, что резкие уколы в спине потихоньку сменяются тянущей, неумолкающей, но терпимой болью. Разумеется, он, вернувшись в Москву, сразу пригласит доктора Брокмана. Тот придёт с неизменным дорогим, блестящим саквояжем, пригладит торчащие вокруг обширной лысины седые волосы и начнёт лечение. Будет втирать жгучие, остро пахнущие мази, накладывать на спину пояса из шерсти, цеплять на кожу пиявок, поить порошками, а больше всего зудеть о том, что Филатов уже не юноша, что не следует нагружать позвоночник, что пора бросить поднимать гири, как

цирковой артист, что следует привыкать к размеренности и неспешности. По наблюдениям Владимира Андреевича, толку от лечения, кроме временного, еле заметного облегчения страданий, не было никакого – болезнь уйдёт сама, когда пожелает. Может через две недели, а может и через месяц.

Задержанный лежал тихо, но Филатов всё равно волновался – задумай тот бежать, сыщик ничего бы сделать не смог. Тут он вспомнил о выданном рожке и подал сигнал. Через минуту два конных жандарма рассматривали пойманного и с не меньшим удивлением самого Владимира Андреевича, который стоял, горбясь и опираясь на трость. Бесчувственному преступнику, в котором узнали варшавского вора Казимира по кличке «Змей», связали по рукам и ногам и закинули поперёк лошади одного из жандармов, словно мешок с картошкой. Он не протестовал, лишь слабо поскуливал в забытии. Филатов, которому сообщили, что операция закончена, сам добрёл до ворот склада, где развернулись основные события. Всё прошло в лучшем виде: никто из преступников не ушёл, жертв среди сил правопорядка почти не было – одного жандарма чуть оцарапало пулей, но это ерунда. Владимира Андреевича хлопали по плечу, поздравляли с поимкой. Вокруг царили воодушевление и радость. Арестованных отправили в местную тюрьму, фальшивые деньги изъяли. Вскоре подъехало местное полицейское начальство, а потом и сам нижегородский губернатор. Вид, а главное, сумма фальшивок произвела на всех неизгладимое впечатление. Павел Фёдорович, губернатор, приказал господам-офицерам срочно отправиться на празднование такого оглушительного успеха. Все восприняли это распоряжение с огромным энтузиазмом. Филатов отказался, сославшись на здоровье. Губернатор, покручивая роскошный ус, пристально посмотрел на его бледное, с испариной лицо и не стал настаивать, пообещав утром прислать личного лекаря. Команда победителей, оживлённо переговариваясь, направилась отдыхать, а Владимир Андреевич добрался до гостиницы, разделся и рухнул в кровать.

Ночь прошла точно так, как он и предвидел. То ли полусон, то ли полубред с боязнью лишний раз пошевелиться от мигмом пронзающей боли. Утром, решив, что пора вставать – даже эта зыбкая сонливость улетучилась – Филатов с огромными усилиями смог сесть на краю кровати. Мокрую насквозь от пота ночную рубашку он снял и бросил в угол. Начать день, как всегда в подобных случаях, Владимир Андреевич решил с гимнастики, которой его научил индус, задержанный по какому-то делу вместе со своим бродячим цирком. Цирк в результате отпустили, а сыщик обогатился новым знанием. Пришлось сползти на пол, сдерживая стон. Сначала Филатов просто лежал на твёрдом, а затем встал на четвереньки и начал то выгибать спину вверх, то прогибаться до пола, подобно кошке, потягивающейся после сна. Постепенно кровь побежала быстрее, кости перестали скрипеть при каждом движении. Можно было привести себя в порядок и решить, что делать. Владимир Андреевич умылся, оттерев с кулака запёкшуюся кровь вчерашнего преступника. Тут пришёл обещанный губернатором лекарь. Врач растёр сыщика мазями, рассказывая что-то о болезни и мерах предосторожности от неё, но Филатов не слушал – знал это всё, нового ничего не было. Мышцы наконец разогрелись, двигаться стало немного легче. Поблагодарив доктора, Владимир Андреевич решил пройтись. Поезд в Москву отправится вечером, не валяться же весь день в кровати, хотя лекарь именно это и советовал, только вот потом вообще не встанешь. Ярмарка опять же, надо посмотреть. Железную трость пришлось оставить, вместо неё сыщик взял облегчённую, с острым клинком, спрятанным внутри. Прогуляться получилось недалеко – было совсем худо. Так Филатов оказался утром на скамеечке под тентом у магазина купца Морозцева и принял его приглашение – ходить всё равно получалось плохо, а ярмарку увидеть хотелось.

На улицах бурлила жизнь. Савелия Трофимовича приветствовал буквально каждый встречный. Кому-то купец отвечал, учтиво приподнимая шляпу, кому-то, слегка кивая и касаясь её полей, кого-то и вовсе удостаивал лишь взором. Пару раз он даже приказал кучеру остановиться, чтобы выйти из экипажа и коротко с кем-то переговорить. Видимо, повстречал очень

важных людей. При этом Морозцев успевал показывать и рассказывать попутчику о том, что происходит вокруг. Слушать его было удовольствием, как всякий раз бывает, когда рассказчик по-настоящему увлечён предметом разговора и хорошо его знает. Владимир Андреевич наблюдал за всем сквозь полуприкрытые глаза, но отчётливо чувствовал, чувствовал кожей и всем естеством, как бьётся неукротимый пульс крупнейшей русской ярмарки, как подчиняет себе и заставляет служить энергия денег, сконцентрированная в этом месте. Все здесь стараются зачерпнуть с лихвой из золотых рек, протекающих рядом. Сама же природная река полна лодок, барж, пароходов. Грузёные и пустые они стремятся причалить, быстро оставить или принять на борт груз и скорее отчалить. Грузчики на судах хватают крюками товар и закидывают себе на спины. Согнувшись в три погибели они бегут или вниз, или вверх по сходням, расчищая себе путь отборным матом, скидывают поклажу у весов и без передышки отправляются за новым грузом, чтобы успеть побольше заработать. На перевеске спорят до хрипоты приёмщики и сдатчики, стараясь выторговать друг у друга лишний золотник² веса, лишнюю копейку. Рядом толкуются ломовики, наперебой предлагают доставить товар куда прикажут. Извозчики везут купцов по своим лавкам и амбарам, где те встречаются с покупателями, и снова начинается торг, торг до хрипоты, торг до мокрых от пота рубах. Наконец, хлопают по рукам, и сделка на десятки тысяч заключена. Теперь радостных торговцев ждут радушные хозяева трактиров, пронырливые половые, русские и цыганские хоры, кокетливые певички. Ночью на охоту выходят те, с кем лучше не встречаться, кто давно фигурирует в полицейских сводках, на ком уже не один грабёж и убийство.

Пахло тиной от реки, рыбой, потом, просмолёнными досками, кожей, гарью, карболкой, которой обильно засыпают общественные уборные, чтобы отбить запах и вывести возможную заразу, иногда чувствуются тонкие ароматы дорогих духов. Умопомрачительные, заставляющие рот мгновенно наполняться слюной, ароматы доносятся из ресторанов и трактиров. Кругом всё кружится в бесконечном движении, не прекращающемся ни на минуту. Все, абсолютно все, стремятся за пару месяцев, что идёт ярмарка, вдоволь напиться из этой реки, каждый по мере своих способностей. Морозцев чувствовал себя, как рыба в воде, а Филатову в этой толчее было неуютно. Ему чудилось, будто на всех лицах за любезными улыбками, за хорошими манерами, проступает жадность. Кипящие вокруг страсти были для него чужими, поэтому сыщик вздохнул с облегчением, когда экипаж подкатил к Главному ярмарочному дому.

– Вот и всё, – подытожил путешествие Морозцев. – Заметьте, как относительно невелик по площади торг, а капиталы, которые здесь крутятся – громадны. Если назвать цифры – дух захватит.

– Благодарю вас, Савелий Трофимович. Очень познавательно, – Филатов аккуратно вылез из экипажа, – размах, действительно, впечатляет.

– Размах... Не остаётся былого размаха, – вздохнул купец. – Уйдёт капитал – зачахнет всё, исчезнет Макарьевская ярмарка.

– Для чего ему уходить? Здесь сколько уже лет всё для торговли лучшим образом устроено. Или я чего-то не понимаю? – удивился сыщик. – В прошлом году здесь была грандиозная выставка, вы её председателем были, Государь приезжал.

– Время, уважаемый Владимир Андреевич, время идёт вперёд, – Морозцев развёл руками. – Ничто не вечно. Всероссийская выставка была вершиной ярмарочной славы, а с вершины только один путь – вниз. Развиваются дороги, скоро в любой уголок Империи можно будет доехать без особых хлопот. Нужда собираться в одно время в одном месте уйдёт сама собой.

– Для чего же вы согласились стать Главным ярмарочным распорядителем в этом году, ведь дело хиреет? – спросил Филатов. – Хотя догадываюсь... Государь отблагодарит, медалью

² Старая мера веса – примерно 4,26 грамма.

наградит или звание какое пожалует. С высочайшей благосклонностью всё ж полегче жить, особенно людям вашего сословия.

Морозцев неожиданно рассмеялся, причём так искренне, что на громогласный хохот обращивались прохожие.

– Правду про вас говорят, Владимир Андреевич. Рубите с плеча, слов не подбираете, – сказал купец, успокоившись.

– Мне у вас, Савелий Трофимович, пожертвование на нужды московской полиции просить не нужно, этим пусть начальство занимается, поэтому можно и не лебезить. Прошу простить, если ненароком обидел, – сыщик немного сконфузился от собственной резкости, всё-таки Морозцев свои дела отложил и ярмарку ему показал.

«Всё из-за спины проклятой, если бы не болела, глядишь и не грубил бы», – подумал он.

– Никаких обид, господин Филатов, – Морозцев говорил спокойно, глядя собеседнику прямо в глаза. – Я сам предпочитаю времени не терять, а сразу переходить к сути. Так вот позвольте вас пригласить к себе: позавтракаем, а заодно я изложу вам одну свою просьбу. Заранее ни на чём не настаиваю, но если согласитесь помочь – я в долгу не останусь.

– С удовольствием приму ваше приглашение, Савелий Трофимович, – сыщик решил, что так сгладит неловкость и отблагодарит купца за хлопоты. Впрочем, и о деле послушать можно, а вдруг и правда что-то стоящее.

На первом этаже ярмарочного дома располагался торговый пассаж с многочисленными магазинчиками. Вечером здесь всё блестело от яркого света, играл оркестр и было не протолкнуться от гуляющей публики. Сейчас же, из-за раннего часа, кругом было пусто. Звук шагов и стук трости гулко раздавались среди тишины. Морозцев бодро взбежал вверх на лестничный марш, Филатов за это время еле успел подойти к ступенькам. Купец недоумённо посмотрел на гостя, потом, движимый неугомонной энергией, не позволявшей даже минуту стоять без дела, задрал голову и крикнул:

– Прохор! Прощка!

Сверху кто-то стремительно застучал каблуками и через мгновение рядом с Савелием Трофимовичем появился долговязый, нескладный парень:

– Слушаю вас, ваше степенство, – как можно более почтительно сказал он, заметив медленно поднимавшегося навстречу незнакомца.

– Беги в трактир к Егорову, скажи, что я просил завтрак собрать. Смотри, чтобы всё в лучшем виде сделали.

– Не беспокойтесь, Савелий Трофимович. Никита Михайлович всегда для вас лучшие кушанья готовит. Всё свежее, с пылу, с жару. Упаси Господь, чтобы что-то лежалое попало – знает кого угощать честь выпала. Не абы кто трапезу заказывает! Сам Морозцев! – с достоинством, нарочито громко ответил парень.

– Ступай уже, шельмец, – купец в ответ на грубую лесть самодовольно ухмыльнулся. – И поторопись! Завтрак сразу ко мне на квартиру принесёшь, а потом нас с Владимиром Андреевичем не беспокоить! Только если что-то неотложное приключится – тихонько зайдёшь и скажешь. Понял?

Прохор кивнул и кинулся вниз с такой скоростью, что сыщик забеспокоился, как бы он не поскользнулся на чисто вымытом мраморе ступеней и не расквасил себе нос.

– Вот вы интересовались, зачем мне ярмарка? – Савелий Тимофеевич теперь вперёд не убегал, а шёл рядом с гостем, нарочито замедлив шаг. Разве только под локоток его не вёл. – Люблю её – вот и весь ответ. Я с детства здесь. Сначала с дедом приезжал, потом с отцом, а затем и мой черёд пришёл. Мрачные пророчества о будущем Нижегородского торгового дела – это лишь мои наблюдения и умозаключения, многие их не поддержат, но я-то вижу куда дело идёт. И от этих мыслей мне горько. Здесь я, как рыба в воде. Ярмарочная суeta питает мои силы – хотите верьте, хотите нет, но ощущение такое, будто десяток лет с плеч долой. Поэтому и должность

Главного распорядителя мне вовсе не обременительна, а совсем наоборот. Ну и про монаршее благоволение вы совершенно правильно подметили.

За разговором наконец дошли до служебной квартиры Морозцева, располагавшейся на верхнем этаже. Недалеко, здесь же, но в другом крыле, на время ярмарки квартировал и нижегородский губернатор. Хозяин и гость расположились в гостиной на удобных диванах друг напротив друга. Филатов, ожидая начала серьёзного разговора, рассматривал знаменитого текстильного короля. Телосложением они были похожи – оба высокие, сверх двух аршинов имели ещё никак не меньше десяти вершков³, крепкие, широкоплечие. Было в чертах купца что-то азиатское. «Это из-за того, что лицо круглое, а глаза узковаты», – подумал сыщик. Было заметно, что внешности миллионер первостепенного значения не придаёт. Одет он был в добротный, хороший костюм, но тёмные волосы стриг просто, под горшок, щеки брил гладко, а усы и борода особой пышностью и ухоженностью не отличались. «Как удобнее, так и ходит, павлином не рядится», – продолжал наблюдения Филатов. Глаза и губы Савелия Трофимовича иногда самопроизвольно начинали подрагивать, словно от нервного тика, но на гостя он смотрел прямо, не бегая взглядом.

Морозцев тоже изучал гостя. Сидит спокойно, уверенно. Молчит, не пытается пустой болтовнёй составить о себе приятное впечатление. Глаза голубые, взгляд умный, цепкий. Русые волосы аккуратно расчёсаны на пробор. «Бледный что-то и весь лоб в испарине. Не иначе, как вчера на губернаторском ужине в честь поимки преступников со спиртным переусердствовал», – подумал купец.

– А не желаете ли, Владимир Андреевич, коньячку выпить за знакомство. Мы с вами до этого лишь шапочно, так сказать, знали. Теперь вот обстоятельно поговорить доведётся. И Прохор завтрак сейчас принесёт, – предложил Савелий Трофимович, желая облегчить страдания гостя.

– В столь ранний час... – удивился Филатов, но подумав, решил согласиться, вдруг спине полегче станет. – Впрочем, не откажусь.

Морозцев подошёл к обширной батарее бутылок, посмотрел на них в задумчивости и выудил из середины причудливый, пузатый графинчик. «Французский, лучший что здесь есть», – сказал он и разлил медную жидкость по бокалам. Сыщику пришлось подняться, в поянице грозно начал пульсировать барабан. «За знакомство», – мужчины чокнулись и выпили. Владимир Андреевич тотчас сел на диван. Коньяк огненной струей провалился внутрь и медленно начал разливаться теплом по каждой клетке. В комнату влетел Прохор с полной корзиной дымящихся кастрюлек, колбас, выпечки и ещё чего-то. Купец что-то сразу достал из неё и принялся жевать, приглашающим жестом предлагая гостю присоединиться.

– Благодарю вас, аппетита нет. Давайте лучше обсудим ваш вопрос, – отказался от угощения Филатов, которому со своего дивана пришлось бы наклоняться туда-сюда, чтобы брать что-то из корзины, а об этом даже думать не хотелось.

– Что ж, к делу, – Морозцев вытер губы салфеткой и показал Прохору, чтобы тот убрал кушанья, а сам вышел вон. Вопросительно коснулся бутылки, но гость помотал головой. – Пропал Устин Ушаков, московский деловой человек, приказчик и правая рука одного... Одного купца. Хотел вас попросить посодействовать в розыске. Вознаграждение будет щедрым.

– Савелий Трофимович... – разочарованно протянул сыщик, пожалевший, что без толку потратил время. – Вы сами мне недавно сказали, что на ярмарке с детства. Должны были привыкнуть к подобным исчезновениям. Эка загадка – купец пропал. На Макарьевской-то ярмарке! Вот так невидаль! Проспится и отыщется. Загулял, с кем не бывает. Да и где вашему брату вожжи отпустить, как не тут? Здесь всё для этого наилучшим образом приспособлено.

³ Около 186 сантиметров.

Дом далеко, а тут после удачной торговли столько соблазнов. Года два тому назад помните, как одного зерноторговца разыскивали? Такой переполох устроили, а чем закончилось?

Морозцев кивнул – историю эту он прекрасно помнил. Богатый и известный на всю Россию купец шумно праздновал тогда какой-то коммерческий успех. Загулял он широко, с размахом, хотя нрава был строгого, обычно вольностей себе не позволял. Для начала отдохнул зерноторговец с компанией в одном ресторане, затем в другом, а уж поздней ночью оказался в каком-то кафешантане с цыганами и хором, где кутил до самого утра. В пять часов, когда только начало светать, вышел купец на свежий воздух и отправился в свою лавку и амбары, куда привык ежедневно приходить с первыми петухами, чтобы всё проверить лично до начала ярмарочного дня. Усталость и хмель сделали своё дело – купец шёл, не разбирая дороги. Ноги вынесли его на берег Волги, на пристань. Там он, незамеченный никем, взобрался на баржу со своим зерном, улёгся поудобнее и заснул богатырским сном. Тревогу забили служащие зерноторговца, когда хозяин и в полдень не появился в своём амбаре – неслыханное дело! Поиски полиция устроила серьёзные. Перерыли все трущобы, катакомбы, ночлежки, больницы, кабаки, пивные, места, где собираются и торгуют воры, прячутся убийцы. Поймали кое-кого из числящихся в розыске, но купца нигде не было. Сообщили супруге пропавшего в Москву, подняв переполох и там, а виновник всей этой кутерьмы, проспав до самого Симбирска, очень удивился своему местонахождению, сошёл на ближайшей пристани и через два дня вернулся на ярмарку.

– Н-да, – Савелий Трофимович ухмыльнулся, вспомнив историю, наделавшую в своё время много шума, – я ведь в тот год тоже Главой ярмарочного комитета был. Полиция во время своей облавы тогда многих солидных людей при довольно неприглядных обстоятельствах застала. Да и замужние дамы из известных в деловых кругах фамилий были застигнуты врасплох в пикантной обстановке. Расхлёбывать тогда пришлось, улаживать, чтобы избежать скандалов. Но то – дело прошлое. Нынче совсем другое. Дело в том, что Устин на ярмарку даже не приехал, хотя должен был уже три дня назад.

– Три дня! Это и не срок вовсе. Ну закутил в Москве или какая другая надобность отвлекла, – пожал плечами сыщик.

– Ушаков – человек молодой и в загулах никогда замечен не был. Никогда! Что до другой надобности, то у торгового человека важнее Макарьевской ярмарки никакой заботы быть не может. И три дня – это срок для такого как Устин. Он всегда пунктуален. Всегда! – безапелляционно заявил хозяин.

– Хорошо. – Филатов понял, что купца такими доводами не проймёшь. – Кто подал заявление о пропаже?

– Никто, – удивился Морозцев. – Говорю же: он должен был приехать на ярмарку неделю тому назад, но до сих пор не объявился. И нет ни письма, ни телеграммы.

– Плохо, что нет заявления. Представьте: приду я к московскому обер-полицмейстеру и заявлю: «Пропал Устин, разрешите отыскать». Дмитрий Фёдорович – человек, прошу отметить, военный – первым же делом поинтересуется, кто заявил, а как выяснится, что никто, тотчас с командирской прямоотой объявит: «Пропал Устин – да и... Да и чёрт с ним», – и отправит делом заниматься. Нельзя без бумаги. Да вы хоть бы и сами её написали.

– Не могу я... – задумчиво протянул Савелий Трофимович. – Знаете какое качество делает купца успешным? Почему одни в первом десятке числятся, а другие вечно в хвосте плетутся, хоть в трудолюбии и не уступают?

– Боюсь и предположить, – Владимир Андреевич, потирая подбородок, смотрел на собеседника, но купец, устав сидеть на одном месте, расхаживал по комнате, заложив руки за спину. – Допустим, чтобы достичь коммерческих высот необходимо быть старообрядцем.

– Это почему? – от неожиданности Морозцев остановился и развёл руки.

– По моим наблюдениям, в первом десятке богачей Империи сплошь староверы, – объяснил сыщик. – Вероятно, это как-то связано, но как именно – не знаю.

– Да я совсем о другом, – досадливо махнул рукой хозяин. – Интуиция – вот первейшее качество. У кого она не ошибается, тот и в делах удачлив.

– Ценное наблюдение. Главное – бесспорное, – ухмыльнулся Филатов.

– Сейчас мне интуиция подсказывает, что с Устином что-то случилось. – купец, казалось, не заметил иронии гостя. – Вы ни одной мелочи не упускаете, как я слышал. Если что-то подозрительное есть, то непременно до самой сути докопаетесь. А там дело нечисто, чует моё сердце.

– Розыск, основываясь лишь на ваших предчувствиях, я производить не имею права, – ответил Филатов и промокнул платком покрытый испариной лоб.

Дверь тихонько открылась, и внутрь бесшумно проскользнул Прохор. Он что-то прошептал на ухо купцу, тот кивнул и сказал: «Пусть подождёт немного, я скоро его позову». Парень молниеносно исчез.

– Владимир Андреевич, вам нехорошо? Как будто приболели, – спросил вдруг хозяин квартиры.

– Здесь вас интуиция не подвела, Савелий Трофимович. Мне, действительно, нездоровится, – нехотя признался Филатов.

– Интуиция здесь ни при чём – у вас всё на лице написано: бледны, двигаетесь, словно старик, аппетита нет. Вот гадаю, что с вами?

– Вы поэтому коньяк спозаранку предложили? Думаете вчера у губернатора с хмельным переусердствовал? – усмехнулся Филатов. – Я там даже не был. Мой недуг иного свойства – спина разболелась. Прихватило так, что еле ходить могу. Есть у меня такая слабость...

– Ах, вот в чём дело! – Савелий Трофимович оживлённо прошёлся взад-вперёд по комнате, неожиданно сел рядом с гостем и продолжил совсем другим, участливым тоном: – Как мне это знакомо, Владимир Андреевич. Сам спиной страдаю. Кость у нас с вами широкая, но капризная. Мне поутру, когда прижмёт, по часу ноги разминать приходится, чтобы хоть до уборной дойти. Когда мочи нет терпеть – качусь колбаской по полу, хотите верьте, хотите нет.

– Охотно верю, – сказал Филатов, тоже взглянувший на собеседника, как на собрата по несчастью. – Рад, что теперь болезнь вас не мучает. В ваших обстоятельствах, с нынешними хлопотами, это было бы совсем некстати.

– Ой некстати! Да она всегда некстати. – Купец поднялся, скинул пиджак и закатал по локоть рукава белоснежной сорочки. – Последний раз меня две недели назад прихватило. Уже здесь, на ярмарке.

Морозцев подошёл к двери и развернулся к ней спиной.

– Вы быстро поправились, – Филатов удивлённо приподнял бровь. – Сейчас бегаете, как мальчишка. Ни за что бы не подумал, что вас такая хворь вообще хоть когда-то беспокоила.

Савелий Трофимович, не обращая внимания на замечание гостя, несколько раз хлопнул в ладоши, упёр руки в бока и вдруг пошёл по комнате, поочередно поднимая ноги до пояса и гулко стучая каблуками по полу. Затем он начал ставить ступни то на носок, то на пятку, резко отводя бёдра в бок.

– Вы что? Танцуете? – сыщик опешил.

– Угу, – промычал хозяин и стал приседать до пола, а затем выпрыгивать вверх, умудряясь хлопать при этом ладонями по голени.

Филатов молчал, наблюдая за такой фантастической картиной, только желваки ходили.

– Довольно, – наконец сказал сыщик. – Мне и без этого было видно, что вы в добром здравии.

– Перед вами первый богач Империи только что камаринскую плясал, как простой мужик, – Морозцев прекратил свой танец и теперь тяжело дышал, упершись руками в край стола.

– И к чему это представление? – холодно поинтересовался гость.

– Показал товар лицом – я же купец! Хотите и вы завтра же будете выкидывать подобные коленца?

– Это невозможно. Будь вы хоть первым богачом в мире, а не только в России – это не в ваших силах.

– Давайте начистоту. Не в моих силах узнать, где Устин Ушаков. Узнать верно, со всеми подробностями, да ещё не привлечь при этом к себе внимания. Поэтому я и обратился к вам, только вы мою просьбу считаете пустяком и братья за её решение не хотите. Так?

– Так, – твёрдо сказал сыщик. – Но зачем обещать несбыточное?

– Морозцев попусту хвалиться не привык – раз говорю, что сможете свободно двигаться, значит так оно и есть. Я предлагаю вам то, что ценнее золота и дороже денег – здоровье. А взамен прошу выяснить то, что меня интересует. Согласны? – Савелий Трофимович протянул собеседнику руку.

– И когда вы намерены выполнить свою часть сделки?

– Да прямо сейчас! Через час трость вам не понадобится. Разве только для импозантности.

– Интересно. Очень интересно. Удивить вы можете, – уважительно сказал Филатов и пожал протянутую руку. – Договорились. Если через час я смогу ходить без боли – узнаю, где ваш Устин. Даю слово.

– Вот и хорошо. Рад, что не зря плясать пришлось – у меня и комплекция для этого неподходящая, и возраст не тот, – рассмеялся Морозцев. – Да и положение, знаете ли, ногами дрыгать не позволяет – ярмарочный распорядитель, богатейший фабрикант всё-таки.

Глава 2

Морозцев с видом крайне загадочным, но довольным подошёл к двери, распахнул её и, сделав широкий жест рукой, сказал:

– Проходи, Матвей Никанорович. Прошу меня простить за ожидание. В мои утренние планы вмешался непредвиденный случай. Не держи зла.

В гостиную вошёл молодой, лет тридцати, среднего роста, худощавый мужчина, держа в руках порядком потёртый коричневый саквояж. Он мельком взглянул на Филатова, кивнул ему и смущённо обратился к Морозцеву:

– Ничего страшного, Савелий Трофимович. Я надолго не отвлеку. Мне бы расчёт получить и более задерживать не стану.

– Помню, всё помню, уважаемый доктор, – купец достал из кармана пиджака чековую книжку, быстро заполнил первый свободный листок, оторвал и протянул посетителю: – А не желаешь ли ещё один чек получить? Причём не просто аванс, а всю сумму сразу готов заплатить.

– Я... Право не знаю... А за что? – молодой человек замялся.

– Простите великодушно за бестактность, господа. Я же не представил вас друг другу. Совсем забыл о приличиях. Владимир Андреевич, знакомьтесь – это Матвей Никанорович Захаров, врач. Причём один из первейших, прямо как вы в криминалистике. Матвей Никанорович, прошу любить и жаловать – это Владимир Андреевич Филатов, чиновник московской сыскальной части. Такой же превосходный специалист в своём деле, как и ты в лекарской науке.

– Прекратите, Савелий Трофимович, к чему это..., – запротестовал врач, смущённый похвалой, сыщик тоже согласно кивнул.

– Господа, я всё сказал, как есть, оставьте свою скромность. – Уважаемый доктор, господин Филатов страдает от того же недуга, что и я. Прошу, поставь его на ноги. Не отказывай, а то на колени упаду – я теперь это могу, – весело сказал хозяин, пребывавший в прекрасном расположении духа. – За вознаграждением дело не станет – чек могу выписать прямо сейчас на всю сумму, как и говорил.

Матвей Никанорович растерянно посмотрел на сыщика сквозь маленькие, круглые стёкла очков, пригладил длинные, почти до плеч волосы и неуверенно пробормотал:

– Это займёт время, может две недели, может и больше, а я в Москву хотел вернуться...

– Савелий Трофимович уверял, что уже через час я смогу ходить без трости, – сыщик смотрел на Захарова, но обращался к Морозцеву.

– Боль, безусловно, станет меньше, много меньше даже после первого сеанса, но полный курс лечения предполагает несколько процедур...

– Вот и начни прямо сейчас. Владимир Андреевич тоже сегодня в Москву собирался – там и продолжите. Прохор, носи кушетку и ширму, – крикнул Савелий Трофимович. – Ставь всё ко мне в кабинет.

– Что ж, тогда, пожалуй, попробую, – сказал доктор и добавил, глядя на купца: – Не со всеми мой метод работает, я же вам говорил.

– Делай, Матвей Никанорович. Пусть сработает, ты уж расстарайся, – строго сказал хозяин.

Захаров скинул сюртук, закатал рукава сорочки и направился было мыть руки – квартира Морозцева была ему хорошо знакома – но остановился и вопросительно посмотрел на хозяина.

– Вот, не извольте беспокоиться, – усмехнулся купец и выписал ещё один чек. – Плачу сразу, поскольку в результате не сомневаюсь. Не первый раз, поди, человека воскрешаешь.

Филатов, следуя за приглашающим жестом врача, поднялся и прошёл в соседнюю комнату – кабинет. Неутомимый Прохор уже распорядился двумя мужичками, ставившими кушетку и ширму. Когда они удалились, Захаров сказал:

– Раздевайтесь по пояс и ложитесь на живот. Одежду на ширму повесьте.

И куда только делись смущение и неуверенность. Доктор поставил на небольшой столик свой саквояж и начал извлекать из его недр тонкие, длинные иглы и какие-то пузырьки.

– Чистые полотенца и воду, – скомандовал он купцу.

– Несу уже, – Морозцев, не обратив внимания на бестактность, поставил рядом таз, повесил кипу белоснежной ткани на плечо врачу и протиснулся к своему столу, стоящему за ширмой. – Как лечить начинает – распорядится похлеще иного генерала...

– А вы куда направляетесь, Савелий Трофимович? – спросил Филатов. – Неужели здесь будете? Неловко как-то...

– Бросьте, Владимир Андреевич. От вида вашей голой спины я в обморок не упаду. Вам всё одно почти час лежать, а мы пока побеседуем. Расскажу, что за Устин и почему не... Не чёрт бы с ним. Время дорого, дел ещё много. Я Прохору велел никого не пускать, жаль будет час попусту терять.

– Как хотите, – прокричал Филатов, осторожно опускаясь на кушетку. – Я готов, Матвей Никанорович.

Доктору хрустнул пальцами, откупорил один из пузырьков – в нём, судя по запаху, был спирт – окунул туда иглы. Морозцев с наслаждением закурил и приготовился наблюдать за процессом лечения. Ему из-за ширмы были видны только голова и плечи сыщика. Матвей Никанорович тем временем протёр спину пациента влажным полотенцем и начал водить руками вдоль позвоночника, чуть надавливая пальцами. «Для такого тщедушного субъекта, у него довольно сильные руки», – подумал Владимир Андреевич, прикладывая усилия, чтобы не дёргаться, когда прикосновения становились очень чувствительны.

– Больно, – сказал он, невольно вздрогнув, когда доктор попал куда-то, где терпеть было неважно.

– Это ещё не больно, – безапелляционно заявил доктор. – А вот тут, пожалуй, да!

Филатов весь сжался от пронзившего спину разряда, но врач крепко прижал его к кушетке и сразу воткнул в это место длинную иглу. В глазах у сыщика всё потемнело, а по щекам невольно потекли слёзы. Захаров невозмутимо продолжал свои исследования, втыкая иглы в самые больные места.

– А чего ты Владимира Андреевича без отварчика лечишь, Матвей Никанорович? – спросил со своего места Морозцев.

– Во-первых, я вам отварчик, как вы изволили выразиться, даю, чтобы иконы в доме от вашей брани не краснели. Господин Филатов в этом плане человек выдержанный, как видно. Во-вторых, в самый первый раз я и вас без обезболивающего изучал. Это сейчас мне ваша спина знакома – с завязанными глазами смогу иглы поставить. Нового пациента сначала требуется, по возможности, прощупать, как он есть, без помощи. Ну и в-третьих, вы же поговорить хотели, а если напою – он дремать будет. Я закончил. Теперь сорок минут просто отдыхайте, – сказал доктор.

Всполохи боли у Владимира Андреевича прошли, сейчас спина онемела, а по телу разлилась приятная истома.

– Что вы сделали? Это меня вылечит? – еле слышно спросил он.

– Китайцы научили меня этой методе. Это их народная медицина, вроде наших банных ритуалов, – ответил Матвей Захарович. – Они уверены, что в каждом человеке циркулирует жизненная энергия, которая из-за телесных болезней нарушает своё свободное течение по организму и скапливается в одном месте. Отсюда и боль. Иглы помогают восстановить этот ток, обогнуть заблокированные места. К сожалению, я не даю вам исцеления, это будет лишь

облегчение. Наука еще не изобрела средств для лечения вашего недуга. Впрочем, и облегчения будет достаточно, как я полагаю.

– Да, – прошептал Филатов, чувствуя необычайную лёгкость. – Спасибо, господин Захаров. Рассказывайте про своего Устина, Савелий Трофимович.

Морозцев встал из-за стола и подошёл к лежащему на кушетке Филатову. Пододвинул стул, который освободил доктор, присел.

– Устин Андреевич Ушаков, русский, православного вероисповедания. Лет ему недавно сравнялось двадцать семь. Высокий, вроде нас с вами, но худой. Не такой, как наш эскулап – кожа да кости, а сухой, но жилистый. Волос русый, курчавый. Стрижётся коротко. Уши чуть оттопыренные, да на щеках до сих пор юношеский румянец играет. Вот и весь портрет. Никаких примет более: ни шрамов, ни отметин на лице.

– Кто он? Торговец, вы говорили? – сыщик удивился, что доктор оказывается всего на пять лет моложе его.

– Начну с начала. История долгая. Родился Устин где-то в Костромской губернии, где точно – не помню, но это и неважно.

– Всё важно, – наставительно сказал Филатов. – Вдруг он дома сидит, а вы и не знаете.

– Нет у него теперь там дома. Мать с отцом померли, а он в Москву перебрался. Только не сразу. Рос парень в семье рабочих, сам с малолетства тоже на ткацкую фабрику пошёл. Мануфактура эта купчихе Чугуновой принадлежала, вдовице. Муж её покойный отставным военным был. Не знаю, какой он командир, но супруга – генерал в юбке. Довелось мне с ней разговаривать. Характер – тяжелее гири. Устина купчиха сразу заприметила. Мальчишка смыслёный, исполнительный. Даже учиться в школу пристроила, потом в ремесленное училище. У неё-то самой два сына было. Старуха рассчитывала им предприятие оставить, да не вышло. Старший вырос горьким пьяницей – ничего доверить нельзя. Младший не пил, но уж совсем бестолковый. Управляться с делами Чугуновой помогал подросший Ушаков. Купчиха нарадоваться не могла на такое подспорье. Думаю, жалела, что Устин не её сыном родился. Пожалела, пожалела, и продала фабрику.

– Зачем? – удивился Филатов, слушавший историю Морозцева, как сказку: мышцы от иголок расслабились, голос Савелия Трофимовича баюкал.

– Ну а зачем она ей? Годы уже не те, чтобы такую обузу на своих плечах тащить.

– От этой обузы ваше сословие деньги наживает, причём немалые.

– Тогда времена тяжёлые были, торговля шла плохо. Не получалось хороший доход иметь, вот и продала. Устала, видимо. Покоя захотелось. Мануфактурой управлять – дело хлопотное. С утра до позднего вечера сплошь труды и заботы. Вы, наверное, думаете, что фабриканты только деньги считают? Пока тех денег дождёшься – покрутишься, как белка в колесе.

– Ничего я не думаю, – прервал отвлётшегося Морозцева сыщик. – Дальше-то что было?

– Дальше... Объявился покупатель на предприятие старухи. Лев Дмитриевич Цыганов. Из молодых, бойких. Торговались, торговались, наконец ударили по рукам. Вступил он в дело. Чугунова про Устина не забыла. Когда получила деньги, новому хозяину парня отрекомендовала с наилучшей стороны, просила присмотреться – мол, шибко способный, не подведёт.

– Хороша помощь, – чуть усмехнулся Филатов. – Лучше бы вознаграждение ему выписала, раз он её правой рукой был.

– Ещё чего! – Савелий Трофимович всплеснул руками. – Там места глухие, дремучие. И люди под стать. Хозяева управляющим фабрик процент от прибылей не платят, хоть в Москве это давно заведено. А тут из своих денег, которые уже к сердцу прижала и мысленно потратила, часть какому-то мальчишке отдать! Доброго слова довольно будет. Так Чугунова, наверное, думала. Проку же ей самой от этого богатства вышло немного – померла вскорости. Потом сыновья за наследство судились, поделили его кое-как, а что с ними дальше стало – того не

ведаю. Могла бы, если уж по совести рассуждать, вознаградить Устина. Без него она бы не справилась и за фабрику свою вдвое меньше получила.

– Ну а что Цыганов? Кто таков?

– Мещанский сын из тех краёв. Образован хорошо, химию изучал, как и я. Старше нас. Вам сколько? Тридцать пять? Вот и мне столько же. Цыганову уже за пятьдесят, седой весь, а когда у Чугуновой объявился, ненамного старше нас был, ну так с той поры и минуло уже больше десяти лет. Где и как он начинал – знаю плохо. Слышал, что чаеоторговлей занимался, якобы деньги от этого и нажил. Только там скандал вышел. Поговаривали про кредиты, обман и ещё какие-то нехорошие слухи ходили, но достоверно ничего не известно. Многие из услышанного на враки похоже, но и дыма без огня не бывает. Результат-то один: Цыганов при хороших деньгах оказался, а где и как он их так быстро заработал – неизвестно.

– Давайте ближе к мануфактуре и Ушакову, – Филатов чуть поёрзал, хотелось почесать спину, но никак.

– А мы к этому, собственно, и подошли. После таинственных чайных церемоний Лев фабрику-то и приобрёл. Поначалу за дело взялся рьяно. Что-то подремонтировал, что-то купил и стал делать ткань. Не лучшую, не первого десятка, конечно, но для непривередливой публики сгодится. Тут и торговое счастье лицом повернулось, тогда спрос на красный товар⁴ был хороший. Цыганов разбогател по-настоящему. На нажитый капитал выстроил доходный дом в Москве. И здесь хорошая польза была, квартиры все в наём сдал, люди живут – каждый месяц платят. Тут, видимо, и возомнил он себя всемогущим, подумал, что к чему ни прикоснётся – всё в деньги обратить сможет. Вошёл пайщиком в Азиатское торговое товарищество, накопил где-то лесных угодий, задумал новый торговый пассаж выстроить, невиданного размера. А более всего интересовался строительством железных дорог. В столице сотни порогов оббил, чтобы концессию на это получить, а уж денег для подношений нужным людям увёз туда без счёта, как мне рассказывали. Может и ещё чем-то занимался, но я про это не слышал.

– Куда уж ещё? С перечисленным бы управиться, – сказал Владимир Андреевич.

– Ваша правда. Тут с утра до ночи не покладая рук трудиться надо, но он работу бросил.

– Как? – сыщик постарался рассмотреть лицо купца, чтобы понять: не шутит ли?

– Да вот так. Деловой азарт у него прошёл, каждодневная рутина надоела и решил он зажить. Выстроил себе в Москве отдельный дом. Одеваться ездил только в Париж. Первым франтом ходил по белокаменной. С девицами любил флиртовать. Приударял за каждой миловидной женщиной, менял их, как перчатки. Седина в бороду – не зря же говорят.

– А он что же, не женат?

– Женат. Только что с того? Кому это когда мешало? Супруга на его похождения смотрела сквозь пальцы, делала вид, что не замечала. Привыкла в роскоши жить, скандалов не хотела. Поговаривают, что и сама любила весело время провести, но это лишь сплетни. Злые языки распускают, а мы повторять не будем. Прости, Господи, – Савелий Трофимович торопливо перекрестился на икону в углу. – А тут коммерческая фортуна очередной фортель выкинула – не иначе взревновала, что Цыганов не ей внимание уделяет, а каким-то кокоткам. Лесные угодья оказались совсем плохи, чтобы денег от них нажить нужно было много средств и сил, а главное – времени потратить на их восстановление. Хорошей древесины там почти не было. Строительство пассажа расстроилось, все вкладчики переругались и еле продали своё недоделанное чудо за треть цены. Ни одной железнодорожной концессии ему не дали, как ни умасливал петербургских чиновников. Говорят, чуть ли не с товарищем министра⁵ знакомство свёл, а проку никакого. Вот и остались у него только старенькая фабрика да паи в Азиатском

⁴ Устаревшее название тканей.

⁵ Заместитель министра – устаревш.

товариществе. Ну и квартиры доход приносили. В мануфактурном деле тоже торговля хуже стала, барыши уже не те были.

– Отчего же всё так расстроилось?

– Лев дела забросил, как я говорил. Стал на пустяки себя тратить, на красивую жизнь. Компаньоны его совсем никудышные. Помогали ему младший брат да его друг. Но они, как сыновья купчихи Чугуновой: брат – пьяница, а друг – скудоумный, по правде сказать. Способны только со Львом по светским раутам ходить да щёки важно раздувать. Единственный, кто дело делал – Устин Ушаков. Многое ему Цыганов доверил – много пользы в ответ получил. Торговое товарищество и мануфактура на Ушакова плечах держатся. Работал без устали. То тут, то там – сто мест за день оббегает, сто вопросов решит. Только как Устин ни старался – денег Цыганову не хватало, привык ни в чём себе не отказывать. Вместо того, чтобы оставшимся капиталом грамотно распорядиться, в фабрику-кормилицу вложить, чтобы расцветала и дохода больше приносила, проделал Лев хитрый трюк – шубу свою перевернул.

– Что, простите?

– Набрал в долг тканей, продал их, а когда пришло время расплаты, собрал кредиторов на чашку чая и сказал, что может заплатить по своим вексялям не больше десяти копеек с рубля. Мол, положение тяжёлое, средств не хватает.

– У него же есть имущество! Разве за счёт его продажи нельзя погасить кредиты? – Филатов понемногу увлёкся рассказом.

– Конечно можно! Кредиторы Цыганову отказали и начали было готовиться к тому, чтобы продать всё с молотка, но... – Морозцев цокнул языком и щёлкнул пальцами. – Но выяснилось, что у Льва ничего за душой-то и нет. Дом, мануфактуру и паи в Азиатском торговом товариществе он ещё год назад подарил дражайшей супруге, а доходный дом и ещё какая-то мелочь принадлежат братцу-пьянице. С самого Цыганова взять нечего, кроме шляп и галстуков – этого добра у него полно. Шубу наизнанку вывернул: весь мех внутрь, поближе к себе спрятал, а кредиторам голый подклад оставил.

– И вас тоже вокруг пальца обвёл?

– Нет, ко мне даже не обращался. Я историю про чай знаю и такому человеку в кредит бы не поверил.

– Попахивает мошенничеством, – хмыкнул Владимир Андреевич. – Очень гнусный поступок.

– Увы, в моём деле, подобные фокусы порой случаются. Приходится внимательно следить за всеми, кому даёшь в долг, – вздохнул Савелий Трофимович.

– Всем обманутым надо было добиваться уголовного расследования. Доказать злонамеренность Цыганова сложно, но не невозможно.

– Бросьте, Владимир Андреевич. Купец рассуждает по-другому. На все эти разбирательства-препирательства уйдут годы, а в результате одни юристы и разбогатеют. Десять-то копеечек получше, чем ничего с судебными расходами в придачу! Тем более, что Лев начал к каждому кредитору захаживать, убеждать, что лишь ему, из-за глубочайшего уважения, готов заплатить и двадцать копеек с рубля, только пусть считает долг закрытым.

– Уговорил?

– Почти. Так бы и выпутался, если бы не появился давний враг Цыганова – купец Илья Золотов. Историю их вражды я не знаю, известно лишь, что ненавидят они друг друга люто. Что за кошка между ними когда-то пробежала – загадка. Золотов сам начал выкупать долги Льва у кредиторов. Платил, как я слышал, те же десять-двадцать копеек с рубля, а должен Цыганов стал Илье. Дальше он повёл дело круто – непогашенные векселя предъявил в суд. За каждый вексель законом месяц долговой тюрьмы предусмотрен. Отправился Лев в каталажку под старость лет. Поначалу попытался, конечно, устроиться с комфортом. Уж не знаю, бескорыстно ли, нет ли, его сначала определили в чистую, светлую камеру, из дома передали пухо-

вые подушки с одеялом, обед из любимой ресторации «Эрмитаж» приносили. Санатория, да и только. Однако отдохнуть получилось недолго – дня три. Золотов пришёл проверить, как его должник сидит, и очень увиденным огорчился. Потолковал он с начальником тюрьмы и, не зная опять же бескорыстно ли, нет ли, но отняли у Цыганова его пуховую перину и вкусные кушанья, перевели в подвал, где сыро, крысы, а на потолке труба из ретирады⁶ подкапывает.

– Ого! Вот это метод. Действенный, должно быть? – Филатову решительность неизвестного ему купца Золотова понравилась.

– Как бы не так, – покачал головой Морозцев. – Упёрся и Цыганов: сидит и из подвала своего грозит, что теперь никому ни копейки не заплатит. Казалось бы, и возраст почтенный, и здоровье уже не то, чтобы в таких условиях существовать, но нет! Третий месяц сидит и проклятия на голову Золотова и всех остальных шлёт. Илья тоже на попятную не собирается. Как месячный срок заключения к концу подходит, он новый вексель в суде предъявляет – Цыганов даже из камеры не выходит. Три уже предъявил, а сколько ещё в рукаве осталось – Богу весть! Кто кого переупрямит – время покажет.

– И вот тут на первых ролях оказалась жена? – предположил Владимир Андреевич.

– Не совсем. Хоть всё и на неё переписано, но дело-то делать надо. Юлия Егоровна Цыганова – баба, извините за прямоту, вздорная и глупая. Сама из крестьянок. Бывший помещик её пятнадцатилетнюю обрюхатил. У другой бы вся жизнь под откос, но не у этой. Старый барин свою жену выгнал и в открытую зажил с дочерью бывшего крепостного, которая ему во внучки годилась. Вот как приворожила. Потом появился Лев Цыганов – помоложе, приятной наружности, образованный, а главное – богатый. И решила Юлия, почти как в сочинении господина Пушкина, что хватит ей быть помещицей, пора стать миллионщицей. Бросила она своего старика и упорхнула с новым возлюбленным, только её и видели. Взял её Цыганов в жёны с дочерью и с дурно пахнущей репутацией, а свою благоверную, как и помещик, выгнал. И этого околдовала. Чем только она их приманивает? Зажила новоиспечённая госпожа Цыганова широко, как и муж: наряды, званые обеды, выезды на тройке лошадей к подружкам в гости. Теперь по Москве ходит только что не в трауре, да Золотова ругает. Хотя не ходит – как выезжала широко, так и продолжает, на тройке в прекрасном экипаже.

– Может у Цыганова со Золотовым из-за неё вражда началась? Может что-то было этакое, раз она на мужчин так магнетически действует? – предположил неожиданно появившийся из-за ширмы Матвей Никанорович, о котором собеседники забыли.

– Ты? Ты здесь всё время сидел? – Морозцев хлопнул себя по колену.

– Да, – просто ответил доктор. – Вы пришли, а я за ширмочку на диванчик переместился. Любопытнейшая история, Савелий Трофимович. Беседуйте, беседуйте, а я с Владимира Андреевича иголки сниму – достаточно для первого раза.

Захаров невозмутимо доставал иглы и складывал их в свой саквояж. Филатов даже не дёргался, на его лице застыла полуулыбка. Наконец весь инструмент был спрятан. Сыщик аккуратно, прислушиваясь к себе, сел на кушетку. Повернулся влево-вправо, чуть наклонился. Боли не было. Он удивлённо покачал головой, вздохнул и резко поднялся с такой решительностью, будто нырял в ледяную прорубь. Ничего. Только приятная истома в мышцах, да небольшая скованность в пояснице.

– Вы, господин Филатов, от резких движений воздержитесь. Также поостерегитесь находиться на сквозняках, спину держите в тепле. Не допускайте для неё температурных контрастов. Понимаю, вы сейчас наверху блаженства, но недуг никуда не делся. Неприятные ощущения вернутся, поэтому завтра процедуру надобно будет повторить, – Матвей Никанорович привычно инструктировал больного, с удовольствием наблюдая, как человек не может поверить в чудодейственный эффект его лечения. – И, само собой разумеется, никаких нагрузок

⁶ Туалет – устаревшее.

на спину: тяжести не поднимать, долго не ходить и не стоять, при первой возможности присаживайтесь, а лучше принимайте полулежачую позу.

– Ну уж это решительно невозможно. Как я в полицейском управлении сие устрою? Буду, как римский патриций, возлежать в тоге на голое тело? Если б так можно было – этот мир был бы идеальным.

– Идеальным в вашем положении было бы ходить подобно кошке или собаке – на четырёх конечностях. Так нагрузка на позвоночный столб равномерно распределяется. Я же вам этого не предлагаю, – невозмутимо парировал доктор. – Что нужно делать для правильного хода лечения – мною сказано. Дальше дело за вами.

– Матвей Никанорович, дай мне честное слово, что ни о чём, здесь услышанном, никому никогда не расскажешь! – опомнился Морозцев.

– Савелий Трофимович, – укоризненно протянул Захаров. – Как вы могли подумать?

– Хорошо, хорошо. Прости, Матвей Никанорович, – купец замахал перед собой руками, словно отгонял привидение. – Нечистый попутал. Не сомневаюсь я в твоей порядочности ни на секунду.

– Вот теперь неплохо бы позавтракать, – сказал Филатов, который вдруг понял, что зверски голоден.

Компания, вслед за хозяином, переместилась в гостиную, на столе появилась принесённая утром корзина со снедью. Купец предложил коньяка, гости возражать не стали. Наконец голод был утолён и сыщик, откинувшись на спинку дивана (полулежа, как и советовал врач), спросил:

– Давайте вернёмся к делу. Если я правильно думаю, то Устин Ушаков сейчас – фактически первое лицо во всех предприятиях Цыганова. Ведёт дела в его отсутствие, распоряжается деньгами...

– Именно так, Владимир Андреевич.

– А как вы, Савелий Трофимович, думаете о причинах вражды Цыганова с Золотовым? Может, действительно, из-за женщины? Из-за Юлии? – опять встрял со своим предположением Захаров.

– Вряд ли, – купец покачал головой. – Никогда об этом ничего не слышал, и думать так не склонен. Всякое случается, конечно, но... Вряд ли.

– К делу, порученному мне, это отношения не имеет, – сказал Филатов. – Поэтому меня интересуют два вопроса. С чего вы решили, что Ушаков пропал? И зачем он вам? Молодой человек мог загулять, мог уехать по делам, которых у него, как я понял, теперь порядком прибавилось. Может он мануфактуру отправился проведать. Может отсутствует по делам этого Азиатского товарищества. В Азию подался, например.

– Нет его на фабрике – три дня назад Устин должен был приехать сюда. Сейчас ярмарка – важнейшее дело. По вопросам товарищества ему предстоит уехать через пару недель, – ответил Морозцев.

Савелий Трофимович встал и прошёлся по комнате, озадаченно потирая бороду, затем остановился напротив окна в глубокой задумчивости. Наконец, собравшись с духом, повернулся к гостям, глаз и щека Морозцева самопроизвольно подёргивались, что было, по наблюдениям сыщика, признаком душевного волнения. Купец продолжил:

– Буду говорить прямо – уверен, что дальше этой комнаты разговор не уйдёт. Я хотел бы купить кое-что из принадлежащего Цыганову. В переговорах с его стороны участвует Устин. Он умен и может изложить мои мысли правильно. Я разговаривал с Ушаковым, тот излагал всё в письме, а Цыганова относил бумагу мужу, когда ей дозволялось свидание. Лев писал ответ, и он тем же путём отправлялся ко мне.

– Ловко..., – Филатов усмехнулся. – Решили ковать железо пока горячо? Цыганов в тюрьме сговорчивее станет? На что глаз положили? На мануфактуру?

– Нужна она мне сто лет, – Морозцев сделал вид, что не понял саркастического тона сыщика. – Мне своих достаточно, они, к тому же, во сто крат лучше. Зачем мне это старьё? А вот доля в Азиатском торговом товариществе – лакомый кусок. Там три пайщика. Друг другу долю они продать не могут, а третьему лицу – пожалуйста. Так ими при учреждении было условлено. Хотели, чтобы все вопросы решались если не единогласно, то хотя бы большинством голосов. Товарищество это засеяло в Средней Азии обширные земли хлопком. Купили американских семян, привезли агрономов, наладили доставку до России. Я в своё время не поверил в эту идею и оказался неправ. Хлопок вырастает превосходный и обходится много дешевле, чем американский. Моим предприятиям сырья нужно много. С долей в товариществе я бы от поставщиков не так зависел, да и от продажи прибыль бы получал. Про тюрьму вы правильно заметили. Может Лев сговорчивее станет. А может и его супруга. Вдруг она в очередной раз решит променять мужа на кого помоложе. Подвернётся какой-нибудь лихой гусар. Денег у неё теперь много – кавалеры налетят, только свистни. Если она имущество, которое сейчас её, продать решит – будет помнить, что Савелий Морозцев имеет до него интерес и готов уплатить оговоренную сумму тотчас.

– Что за нравы... – тихо сказал доктор.

– Это деньги, Матвей Никанорович. Если я просплю, то кто-то более расторопный при случае всё себе отхватит. Нет уж! Меня так просто не обскачешь! Я сам кого хочешь объеду. Но помимо материального, у меня ещё один интерес имеется.

– Очень интересно узнать какой? – спросил Филатов.

– Это, собственно, сам Устин. Про то, что он хороший работник, я уже объяснил. Толковый человек всегда на вес золота, а такой как Ушаков – втрое. Вот вы предположили, что загулял он или развлекаться уехал. Резонные доводы, казалось бы, но только не про него. Устин, хоть и молод совсем, но такой закалки, которой сейчас не сыщешь. Себя держит скромно, лишней копейки попусту не потратит. Живёт во флигельке доходного дома Цыганова – пара комнатёнок. Из хорошего разве только вход отдельный. Швейцара не нанимает – сам ворота бегаёт открывать. Вообще никакой прислуги не держит. Обедает в самых простых заведениях, где сытно да недорого. Собственными лошадьми не обзавёлся – всё пешком бегаёт, только в крайнем случае на извозчика садится. В одежде аккуратен, не франт. Одет чисто, но наряд каждый день не меняет. К вину равнодушен, к шумной гульбе тоже. Лишь в труде счастье и видит. Положением своим и заработанным достатком не кичится, хоть и с самого дна поднялся.

– Экий бессребреник, – хмыкнул сыщик.

– Э нет, не в этом дело. Тантьему⁷ и на мануфактуре Цыганова, и в торговом товариществе он получает хорошую, тем более что и прибыль зарабатывает немалую. Хочет Устин своё дело открыть, вот и дорожит каждой копеечкой. Купец из него выйдет превосходный: хваткий, расчётливый, дальновидный. И самое главное имеется.

– Что же это? – поинтересовался Захаров.

– Характер, – уверенно ответил Морозцев. – Очень порядочный человек. Его слово крепче камня. Если что пообещал – непременно исполнит. Работает на человека, который сам себя в долговую яму загнал – неизвестно выберется ли, но служит честно. Иной бы по сторонам начал поглядывать, искать, где поспокойнее да посытнее, а этот нет. Интересы Цыганова блюдёт крепко, даже лучше его самого. Я предлагал у меня трудиться, любое место на выбор, оклад удвоить, но Устин сказал, что Льва не оставит, куда не нужен ему станет, либо сами добром не разойдутся. Чужие секреты хранить умеет, ни за что не разболтает, как не выпытывай.

– Какой-то идеал вы нам обрисовали, – сказал сыщик.

⁷ Процент от прибыли, выплачиваемый директорам предприятий.

– А так и есть. На деда моего, тоже Савелия Трофимовича Морозцева, очень похож. Сразу видно – высокой духовной крепости и нравственности человек. Такой может очень масштабной личностью стать.

– Мне показалось, что излишняя порядочность в вашем деле вредит, – хмыкнул доктор. – Вы сами только что рассказывали, как бесцеремонно готовы с Цыгановым обойтись, если получится.

– Уважаемый Матвей Никанорович, порядочность – первейшее качество для любого рода занятий, а для торгового дела, где громадные капиталы крутятся, особенно, – нравоучительно произнёс Морозцев. – Пример ваш неудачный – там совсем другое. Обманывать я никого не хочу и Льва продавать долю за бесценок не неволю. Ежели супруга его решит от имущества избавиться – ничего зазорного в том, чтобы купить не вижу. Цыганов самолично на неё всё переписал, первым мухлевать начал, значит должен был все варианты просчитать, прежде чем на такое решиться. Не предусмотрел – его вина.

– Зачем вам Устин Ушаков, я понял, – прервал зарождающийся спор Филатов. – Остался второй вопрос. Почему вы решили, что он пропал?

– Мы договаривались, что встретимся здесь, на ярмарке. Три дня, как я уже сказал, с условленной даты прошла. Устин не такой человек, чтобы не приехать и не известить о причинах задержки. По моей просьбе, он уезжал проверить пустяковое дельце и должен был появиться в Нижнем. У их мануфактуры тут тоже амбар, торговлю ведут, навестить обязательно надо. Не мог он вот так обо всём забыть и исчезнуть.

– Есть ли какие-то предположения, почему так случилось? Говорите начистоту – этим вы сильно облегчите мне задачу, – сказал сыщик.

– Я долго об этом размышлял и пришёл вот к чему: либо Цыганов потребовал от Ушакова прекратить всякие отношения со мной, вплоть до разговоров, либо с Устином что-то произошло. Что-то нехорошее.

– Зачем Цыганову требовать от Ушакова, чтобы он избегал вас?

– Лев не на курорте сейчас, а в тюрьме. Кто может знать, какие ему в одиночестве мысли в голову лезут? Может дофантазировался до Бог весть чего, вот и приказал.

– Хорошо, – кивнул Филатов. – Я запрошу данные всех неопознанных покойников за последнее время, может найдётся.

– Ой, Господи спаси, что вы такое говорите, Владимир Андреевич, – купец перекрестился.

– Просто проверю ваше предположение о том, что случилось что-то плохое, Савелий Трофимович. Как бы портрет его получить для опознания? А где он может быть, если не собирается вас видеть?

– В Азиатском торговом товариществе. У них особняк на Ильинке. Новый урожай хлопка вот-вот начнут собирать, тогда дел там будет невпроворот. На мануфактуре его нет, да и во время ярмарки лучше было бы находиться здесь, а не в Москве, так что, скорее всего, в товариществе. Там лишнего болтать не привыкли, вот и моим людям по поводу Устина ничего выведать не удалось. А с портретом я помогу.

Морозцев поднялся и ушёл в кабинет, откуда скоро вернулся с небольшой фотографической карточкой, которую протянул сыщику. Филатов с Захаровым с интересом посмотрели на снимок. Там были запечатлены трое мужчин. Слева стоял высокий, сухощавый, хмурый господин с белёсыми волосами. Вид он имел строгий, надменный. «На воблу сушёную похож и глаза навывкате», – отметил Филатов. Посредине, опираясь на трость, замер невысокий, полный, чернявый господин с лукавыми, насмешливыми глазами. «Ишь какой пузырь, и взгляд с чертовщинкой. Этот хоть на живого человека похож, а не на кассовый аппарат с глазами». Справа, в самом углу карточки, примостился молодой, по сравнению с соседями, парень. Росту он был такого же, как и левый. Дородный господин посередине макушкой едва был им по

плечо. Вся поза правого – неловкая и стеснённая – выдавала крайнее смущение. На его лице застыла неуверенная полуулыбка, но глаза были серьёзны. «Ну здравствуй, Устин. А уши-то, и правда, оттопыренные. Стоит, как будто случайным себя в этой компании считает, или не ровней остальным», – закончил изучение снимка Владимир Андреевич.

– Слева от Ушакова кто такие? – спросил Филатов у купца.

– Сразу признали Устина, значит, – улыбнулся Морозцев. – Это в прошлом году снимок сделан. Здесь же, в Нижнем, когда Всероссийская выставка была. Рядом пайщики Азиатского торгового товарищества. Тот что слева, на чёрствый калач похожий – господин Кройпф, немец. Посередке, с плотоядными глазами – господин Вареников, наших кровей.

– Позвольте карточку забрать? – спросил сыщик.

– Пожалуйста. Только одна просьба, Владимир Андреевич. Ни под каким видом, никому не называйте моё имя. Любой предлог выдумайте, почему интересуетесь Ушаковым, но про меня ни слова. Не хочу, чтобы домыслы начались и кривотолки. Это поставит под удар некоторые планы.

– Хорошо, о вас даже не обмолвлюсь. Как только что-то узнаю – сообщу. Если найду Устина, что ему сказать?

– Скажите ему..., – Морозцев задумался. – Скажите, что я беспокоился о нём. Спросите, почему он пропал? Если не станет отвечать – не пытайте, всё равно не скажет. И возьмите с него слово не разглашать мой интерес и не болтать о наших с ним делах. Оно крепче камня, как я говорил, если Ушаков его даст – о конфиденциальности можно не волноваться.

– Что ж, хорошо. Обидно, что зная мою репутацию, вы о таком пустяковом деле просите, но раз обещал – исполню. Я тоже своим словом дорожу, Савелий Трофимович, – Филатов поднялся.

– Это для вас пустяк, а для меня – важно. И, зная вашу репутацию, я могу быть спокоен, что дело в надёжных руках и огласки не будет, – Морозцев тоже встал с дивана и крикнул: – Прохор, срочно отправляйся на вокзал и возьми Владимиру Андреевичу и Матвею Никаноровичу билеты первого класса до Москвы. Пока ярмарка в разгаре, все сюда едут, а не назад, поэтому место без труда отыщете. Билеты на ваше имя будут ждать вас в кассе, господа.

– Да, и последний вопрос, – сказал сыщик. – Куда уезжал Устин? Вы обмолвились, что посылали его по какому-то делу.

– Там мелкий вопрос, ерунда. Ушаков сам вызвался съездить проверить кое-что в Олонецкой губернии⁸, я и не настаивал. Буквально день-другой, не считая пути, всех дел-то. Он уже давно вернулся оттуда, полагаю. Да точно вернулся! В Москве его надо искать, в Москве!

Филатов записал в блокнотик все нужные ему сведения: адрес Ушакова, адрес и имена пайщиков Азиатского торгового товарищества, адрес, где проживала госпожа Цыганова. Фотокарточку тоже оставил себе. На этом гости откланялись и пошли собираться на вечерний поезд, а Савелия Трофимовича за дверями ожидала целая очередь посетителей, которую вездесущий Прохор просил обождать, пока ярмарочный распорядитель не освободится. На улице всё так же ярко светило солнце, но теперь оно не угнетало сыщика, как утром, а было под стать его настроению – лёгкому и радостному. Боли в спине он не чувствовал совершенно, хотелось пуститься в пляс, как давеча Морозцев, или пробежаться, куда дух не захватит.

– Еще раз прошу – воздержитесь от резких движений, – напомнил Филатову доктор.

– Хорошо, Матвей Никанорович, обещаю. Увидимся вечером.

– Да, – кивнул Захаров.

Мужчины пожали друг другу руку и разошлись в разные стороны.

⁸ Нынешняя территория Карелии.

Глава 3

Как и предполагал Савелий Трофимович Морозцев, вечерний курьерский поезд до Москвы был полупуст. Попутчики без труда отыскали свободное купе в вагоне первого класса, носильщики пристроили невеликий багаж путешественников. Вокзальные часы показывали пять часов пополудни, коротая время до отправления сыщик с доктором выпили в буфете чаю, погуляли по гулкому вестибюлю вокзала, посмотрели на огромные фрески, повествующие о героическом прошлом города. Филатов покопался в книжном лотке, с брезгливостью отодвигая предлагавшуюся там литературу, рассчитанную на грамотных крестьян или лавочников. Наконец выбрал газету «Новое время». Матвей Никанорович покупать ничего не стал. Время пролетело незаметно, пора было готовиться к отправлению. Первый класс встретил путников блеском зеркал и позолоты. Филатов невозмутимо занял своё место и развернул газету. Доктор скромно присел на диван напротив и крутил головой по сторонам, чувствовалось что он немного смущён напускной роскошью, царящей вокруг. Наконец, прекратив озираться по сторонам, он достал тетради с какими-то каракулями и углубился в чтение. Вскоре зашипел пар, окутывая белёсым туманом окна вагона, залязгали металлические сцепки, состав дёрнулся и тут же начал уверенно набирать ход под оглушительный рёв паровозного гудка. Уплыло, оставаясь позади, здание вокзала, перрон и гуляющая по нему публика. Казалось, что движется не вагон, а мир за его окном, меняя картинку.

Сыщик листал «Новое время», впрочем, не особо внимательно. Шурша страницами, Филатов нет-нет, да и поглядывал на спутника, который в отличие от Владимира Андреевича полностью погрузился в изучение своих бумаг: взъерошил волосы, листает туда-сюда свои книги, что-то подчёркивает карандашом и делает пометки на полях, бормоча что-то под нос. Увлечённость доктора передалась и новоявленному пациенту. Он совсем отложил газету, в которой всё равно ничего, кроме пустопорожней болтовни, не было, и наблюдал за попутчиком. Матвей Никанорович продолжал свои изыскания, полностью отрешившись от внешнего мира. За окном начало смеркаться, пейзаж посерел, очертания предметов смазались и цеплялись друг за друга. Филатов зажёл лампы. Их подрагивающий свет выхватил из сгустившейся темноты пяточок стола, заваленный бумагами.

– Так лучше? – спросил он доктора, шутившегося сквозь очки на ставшие еле различимыми буквы.

– Да, да! Спасибо большое. Я что-то увлёкся, не заметил, как стемнело, – Захаров отложил свои заметки и собрал разбросанные книги в аккуратную стопку.

– Над чем работаете? – поинтересовался сыщик.

– Так, ерунда. Пытаюсь проверить одну свою загадку. Сугубо медицинский вопрос, вам, думаю будет скучно слушать.

– Если сугубо медицинский, то я, скорее всего, ничего и не пойму. Разве только своими словами объясните, попроще как-нибудь, – Филатов явно настроился скоротать время за беседой.

– Я всё пытаюсь приблизиться к разгадке того метода, которым вас лечил. Должно же быть ему какое-то научное объяснение, – доктор взволнованно пригладил растрёпанные волосы. – Объяснение, которое укладывается в рамки традиционной европейской медицины. Пока ничего не выходит.

– Зачем искать, если и так всё великолепно работает? – пожал плечами Владимир Андреевич.

– Не вполне работает, – прервал собеседника Матвей Никанорович. – Не у всех пациентов я могу успешно снять боль. Всю спину бывает истыкаю и толку никакого. Такое редко, но

случается. Мой учитель говорил, что иглоукальвание – одна из основ врачевания и при правильном применении незаменимая для исцеления. Вот я и пытаюсь найти ей...

– Объяснение? Для чего? Неужели из-за нечастых неудач? Я, к примеру, не смогу в деталях объяснить принцип работы паровоза, но это совсем не мешает мне наслаждаться поездкой до Москвы в приятной компании. Ваш навык уже позволяет вам стать вполне состоятельным человеком, – сыщик смотрел на собеседника с явным интересом.

– Как бы вам сказать..., – Матвей Никанорович снял свои круглые очки, протёр их, водрузил обратно на нос и с вызовом посмотрел Филатову прямо в глаза. – Представьте такую ситуацию. Совершилось какое-то преступление, допустим, убийство. Вы начали поиск, а виновный пришёл в участок сам и во всём сознался.

– Бывает и такое, – кивнул Владимир Андреевич. – Очень редко, по правде сказать.

– Ну вот, – кивнул доктор. – Злодей вам всё рассказал: как, где и чем убил, где покойник припрятан. Можно считать дело раскрытым?

– Не всё так просто, уважаемый Матвей Никанорович, – Филатов снисходительно улыбнулся рассуждениям дилетанта. – Необходимо установить мотив, движущие силы преступника. Вдруг он самооговором занимается, чтобы с истинного убийцы подозрения отвести?

– Вот и я о чём! – воскликнул Захаров. – Вам же не придёт в голову тотчас, не разобравшись, отправлять человека на каторгу. Пусть вы и знаете кто и как, но остались же ещё вопросы. Неужели вы сможете спокойно оставить их без ответа?

– Не смогу, – согласился сыщик.

– И я не могу. Вы сказали о том, что моих умений достаточно для того, чтобы иметь доходную практику. Как видите, это так. Плату за свои услуги я получаю хорошую, но это не главное. Деньги нужны мне для того, чтобы отправиться в Китай и продолжить обучение. Слишком много белых пятен осталось в голове, самому их не заполнить. Вы, верно, подумаете, что я ненормальный, но меня этим не удивить. Так считает большинство моих коллег – маститых, уважаемых врачей, – Захаров нервно взъерошил волосы.

– А как вы начали постигать эту науку? На медицинских факультетах, полагаю, этому не учат? – у Филатова собеседник – увлечённый и искренний – вызывал уважение.

– Это долгая история. И, полагаю, не очень увлекательная, – доктор махнул рукой.

– Так и мы никуда не спешим. Сделайте одолжение, Матвей Никанорович, расскажите.

– Было это, когда я заканчивал своё обучение в университете. В доме напротив поселился китайский мандарин. Ну это «министр» или «важный чиновник» на их наречии. Господин Лю, правда, был ещё не чиновником, а сыном какого-то важного таможенного сановника. Вот папенька и отправил его в Россию, чтобы отпрыск выучил наш язык, узнал наши обычаи и государственное устройство. Хотел, видимо, свою хлебную должность по наследству передать.

– В этом мы с Китаем похожи, как близнецы. Никаких новшеств гость не узнает, – хмыкнул Филатов.

– Н-да, – продолжил доктор, не обратив внимания на замечание собеседника. – Занял господин Лю шикарную квартиру, прислуги при нём было много: повара, собственные раскрасившиеся, кучер, ещё какие-то люди. У нас в доме комнатёнку рядом с дворниками снимал старенький, сухой китаец, которому места рядом с хозяином не досталось. Сначала я не понял кто он, поскольку дедушка ничего не делал. Рано поутру выходил из дома, стелил на голую землю циновку, садился на колени и закрывал глаза, обратившись к солнцу. В этой позе он застывал надолго – на час, а то и больше, причём за всё это время совсем не шевелился, как каменный, только улыбался. Первые дни среди жителей, конечно, был переполох. Ещё бы – такое зрелище. Приходили смотреть со всех окрестных домов, шушукались и хихикали, но китаец никого не замечал.

– Просто улыбался солнцу? – Владимир Андреевич очень удивился.

– Да.

– А если солнца не было?

– Дедушку это не смущало. Он сидел в любую погоду. Прямо как каменный истукан, и под дождём, и под снегом. Когда положенное время заканчивалось, старик вставал, пил чай, ходил по двору и делал загадочную гимнастику, похожую на очень странный танец, медленный и пластичный. Гимнастика эта тоже поначалу собирала кучу зевак, словно цирковое представление. Потом соседи к странностям постояльца привыкли и уже не обращали внимания ни на гимнастику, ни на странное сидение по утрам. Китайца угощали калачами и чаем. Он с улыбкой благодарил за всё и часто кланялся, сложив руки у груди, калачи кушал с удовольствием, а чай предпочитал свой. Дедушка выучил несколько слов по-русски, которых ему хватало, чтобы понимать дворников и кухарок. Когда знания языка не хватало, то он просто улыбался и кланялся. Так и примелькался потихоньку, стал вроде как своим: в чужие дела нос не совал, но и о своих не распространялся. Впрочем, как я уже рассказал, дел-то у него особых не было. Чаем своим он и меня угощал. Уж очень я любопытствовал, чего он там пьёт.

– Ну и как вам? – спросил сыщик.

– Не понравился. Наш, привычный лучше. У него не чай, а будто солону кипятком заварили. Правда дедушка улыбался и говорил «халосий, халосий». Наверное, действительно самый хороший из своих припасов достал. Чай хоть и невкусный, но очень бодрит. И вот спустя три месяца после появления господина Чжэня произошло первое загадочное событие.

– Господин Чжэнь – это ваш дедушка? – уточнил Филатов.

– Да, да. Наш старик. Однажды утром он по обыкновению сидел, зажмурившись, и улыбался солнцу. Я как раз возвращался откуда-то, сейчас и не припомню откуда. Передо мной шла компания из трёх хорошо подгулявших солдат. Раннее утро, а они уже пьяны были до неприличия. Гуляли, наверное, всю ночь, пока кабак не закрылся. Шли в форменных мундирах, голосили на всю округу всякие непристойности. Мне ещё подумалось, что будет, если они своему командиру попадутся? Но командиров рядом не было, а встречные переходили на другую сторону улицы, не желая связываться с тремя расхристанными мужиками. И тут гуляки увидели господина Чжэня. Они остановились, а у меня сердце в пятки ушло – почуял, что добром дело не кончится. Сначала солдаты просто хохотали над ним и оскорбляли по-всякому. Я сказал: «Не совестно вам к пожилому человеку приставать, тем более втроём?».

– Вступились, значит? А почему?

– Да стыдно стало, за них стыдно. «Макака», «обезьяна», чего ещё там только не было. И это люди в форме императорской гвардии! Если уж допились до чёртиков, то хотя бы спрячьтесь и проспите, чтобы вас никто не видел, а не бесчинствуйте у всех на виду. Я попытался за руку оттащить ближайшего ко мне, но он здоровый – двинул плечом, и я кубарем покатился по двору, а вслед слышал хохот и матерщину. Дворник ещё грозился, что сейчас городского свистнет, но гуляки на него внимание не обратили.

– А что же Чжэнь?

– Так и сидел, улыбаясь неведь чему, словно вокруг ничего не происходит. Солдаты пробовали его теребить за плечо, но дедушка был словно каменный, даже глаза не открыл. И тут один сказал: «Сейчас я тебя разбужу, чучело косоглазое». И как пнёт ногой прямо в голову старику. Что произошло дальше, я видел чётко, будто время замедлилось. Господин Чжэнь кувыркнулся вперёд, и нога пролетела над ним. Старик вскочил на ноги и оказался между трёх противников. Он молниеносно ткнул каждого пальцем, одного в живот, другого у шеи, а третьего хлопнул ладонью по лбу, словно укоряя за шалость. Все трое повалились на мостовую и больше не шевелились. Уже всю свистел дворник, прибежал городской. Началось выяснение, что случилось. Мы всё рассказали, сам китаец только вежливо кланялся и улыбался. От него отстали: солдаты были живы, хоть в чувство так и не пришли, а свидетели все как один утверждали, что это пьяная троица начала дебош. Их отправили в больницу.

– Что за фокус? Невидадь какая-то, – сказал сыщик.

– Всё так и было, Владимир Андреевич, могу поклясться. – Захаров с горячностью пристукнул ладонью по столу. – Скажу больше – с того места, куда поверг меня противник, я хорошо видел глаза господина Чжэня. Он открыл их ровно в тот момент, когда совершал кувырок, и они были полны ярости. Китаец не просто трогал солдат, это были удары, хоть и не похожие на уличный мордобой, но гораздо более сокрушительные.

– Звучит, как какая-то легенда о дивных умениях заморских мастеров. Доводилось мне слышать похожие рассказы, но я всегда считал их враками, поскольку лично подобного отродья не видел. Старик был охранником китайского богача? – предположил Филатов.

– Как оказалось – нет. Чжэнь был врачом. Господин Лю, его хозяин, несмотря на молодость был человеком довольно тучным. Кроме того, в процессе изучения варварских обычаев он усердно налегал на вино. После особенно крепких попок старик отпаивал его разными отварами. И ещё снабжал какими-то порошками, назначение которых мне неизвестно.

– «Варварских» – это наших? – усмехнулся Владимир Андреевич.

– У них всё, что не китайское – варварское, – махнул рукой доктор. – А императора своего они почитают за властителя всей земли. Странно. Казалось бы отсталая и бедная страна, а каково самомнение! Ну да не об этом речь. Однажды утром наш дворник по своему обыкновению колол дрова. Колол и колол, пока что-то в спине не хрустнуло. Огласил он всю округу благим матом и заохал. Потом заохали и женщины во дворе, которые знали, что промучится бедолага теперь долго – с ним это произошло не впервые, да и скрючило знатно. Дворника, согнутого, как коромысло, под белы ручки довели до лавки и посадили. Его жена стала заполошно искать какие-то лекарства и собираться в аптеку. Господин Чжэнь молча наблюдал за всей этой суетой, о чём-то размышляя, потом вздохнул и отогнал причитающих зевак от больного. Смысла его слов, конечно, никто не понял, но громкие, уверенные крики заставили всех замолчать и разойтись. Среди сердобольных свидетелей происшествия был и ваш покорный слуга, к которому, как к студенту-медику, обращались за советом, да только я ничего разумительного предложить и не успел. Старик поудобнее положил дворника на лавке, принёс чистую тряпицу с чем-то завёрнутым внутри и начал водить по скрюченной спине руками, затем достал иглы и... Ну а дальше вы всё нынче испытали на себе.

– Дворник поднялся, как ни в чём не бывало.

– Именно так. Я же стоял, как громом поражённый. Произошедшее было даже удивительнее, чем начавшая забываться драка с солдатами. Я словно воочию увидел притчи из Писания, где Господь одним словом исцеляет немощных. Только здесь вместо слова использовались иглы. Никто из профессоров в университете даже не говорил ни о чём подобном. Все восхищённо галдели. Господин Чжэнь тихонько удалился в свою каморку, разошлись бабы по своим делам, дворник тоже ушёл, а я всё стоял, как истукан. Потом опомнился, отправился к себе в квартиру, но покой потерял окончательно, даже ночью не мог уснуть. Единственное о чём я мог думать – как самому научиться такому искусству.

– Меня бы его техника в рукопашной больше заинтересовала. – сказал сыщик. – Впрочем, иголки тоже любопытно – из больного здорового сделать, дорогого стоит! Хотя, превратить трёх здоровых лбов тремя касаниями в больных – тоже искусство! Не знаешь, что и лучше.

– Я таким выбором не мучился, – улыбнулся Захаров. – Мне больше всего на свете нужно было узнать секреты иглоукальвания. На следующее утро, после бессонной ночи, я спустился во двор. Господин Чжэнь уже сидел на привычном месте, закрыв глаза. У меня с собой была припасённая тряпица, которую я расстелил рядом с ним и попытался устроиться на коленках, подобно старику. Было жутко неудобно: булыжник больно впивался в кости, затекла поясница, от постоянного ёрзанья стёрлась кожа на коленях, одеревенели ноги. Китаец же словно и вовсе не замечал моих страданий – сидел не шевелясь, как изваяние. Наконец мне удалось устроиться, как и он, сев пятой точкой себе на пятки, и замереть. Я не двигался и старался не обращать внимания на неудобства. Глаза прикрыл, как мой терпеливый сосед. Через какое-то время при-

терпелся, даже носом начал клевать. Тут и солнце взошло. Старик поднялся, как будто взлетел, я следом за ним, скрипя и охая. Господин Чжэнь улыбнулся, поздоровался и предложил чай. За чаепитием я жестами показал, чего хочу. Китаец мотал головой и тряс руками, что-то бурно объясняя.

– Видимо, вы получили отказ, – предположил Владимир Андреевич.

– Именно так, – скорбно кивнул Матвей Никанорович, будто всё это произошло лишь вчера. – Странное дело, но я тогда даже не расстроился, а всё потому, что твёрдо решил добиться задуманного и был уверен, что мне это удастся. Следующим утром я снова ёрзал на содранных накануне коленках рядом с загадочным и неуступчивым китайцем. К телесным неудобствам тогда добавился проливной дождь, как я помню. Пришлось вымокнуть до нитки. Господин Чжэнь же в известное одному ему время поднялся, посмотрел на меня и хотел было уйти, но, подумав, предложил чай. А жестами показал, что никаких иголок, никаких объяснений. Я, отстояв битый час на коленях под проливным дождём, был тогда рад и чаю, который больше не напоминал замоченную кипятком солому, а неожиданно приобрёл вкус: такой свежий, напоминающий цветущий луг. Так прошла неделя, а может и больше – теперь уже не вспомню. Стояние на коленях давалось мне всё легче. Я перестал замечать твёрдость булыжника и капризы погоды. Тело вообще словно исчезало и лишь мозг парил где-то высоко, размышляя порой над неожиданными вещами и поражая парадоксальными догадками. Однажды утром господин Чжэнь не предложил чаю, а молча отправился куда-то. Вернулся он с толмачом⁹. Через него я объяснил, что учусь на доктора и не отступлюсь, пока не узнаю, как он исцелил дворника. Старик некоторое время размышлял, потом ушёл с толмачом в свою каморку. Не было их довольно долго. Я ждал с чаем, который Чжэнь мне всё-таки налил. Когда китайцы вернулись, в руках у старика была целая кипа бумаг. Толмач же объяснил мне, что делиться врачебными знаниями с варварами у них на родине запрещено. Сейчас же мы не в Китае. Кроме того, Чжэнь видел, что я вступился за него, когда трое пьяных напали на старика. Хороша тогда от меня была помощь – нос расквасили за миг и всего-то дел!

– Не зря расквасили, судя по всему, – пожал Филатов плечами.

– Не зря. Вот уж не ждал, что та позорная битва мне так поможет. Ещё толмач поведал, что Чжэнь видит, что мои помыслы чисты, дух крепок... Одним словом, согласился. Дальше он открыл мне их учение о жизненной энергии, оставил адрес, где в случае необходимости можно его отыскать и удалился. Дальше всё объяснял господин Чжэнь, которому толмач написал, как по-русски звучат основные слова, необходимые для моего обучения. Также они нарисовали человека, где отметили нужные точки с русскими пояснениями. Так и началось. Сначала старик показал всё на мне, потом на дворнике. Мы исцелили грыжи и защемления у всех во дворе. То-то благодарности было. Дедушку, который отказался брать плату, разве что на руках не носили. Я всё это время постигал загадочное искусство. Постепенно стало получаться. Однажды он даже доверил мне поставить иглы господину Лю, своему хозяину, представив меня своим подмастерьем. Господин Лю накануне упал с лошади, будучи изрядно пьян. Китайский Бог хранит их пьяниц, как и наш, поэтому мандарин не расшибся насмерть, но спина у него болела сильно. Чжэнь тогда не подсказывал и не вмешивался в мою работу, а господину Лю было всё равно – он храпел, как паровоз, который сейчас нас везёт. Лишь одну иголку мой учитель переставил, когда я закончил, а потом похвалил.

– Мандарин-то исцелился после ваших манипуляций?

– Да что ему сделается? Здоровый, как бык. Там и процедура-то простая была, любой справится. Я иголку от волнения на осьмушку вершка¹⁰ выше поставил. И так можно было оставить, она для расслабления мышцы была нужна, главной роли не играла.

⁹ Устаревшее название переводчика.

¹⁰ Около полсантиметра.

– Ну а дальше что было? – сыщика рассказ попутчика очень заинтересовал, он ждал продолжения в надежде продлить удовольствие от дорожной беседы.

– Дальше, Владимир Андреевич, всё. – сказал Захаров к разочарованию сыщика. – Через месяц срок обучения у господина Лю закончился, и он, забрав свою свиту, отбыл на родину. Я же остался со знаниями, которые успел перенять у господина Чжэня: что-то знаю об их целебных отварах, что-то умею в иглоукалывании, но нигде не достиг полного понимания и мастерства. Поэтому и хочу отправиться в Китай, чтобы постичь то, что не смог или не успел.

– Любопытная история, – сказал Филатов. – Ежели удастся вам свою мечту осуществить – выполните одну просьбу, сделайте одолжение.

– Всё, что смогу, Владимир Андреевич. Очень постараюсь.

– Пусть господин Чжэнь вам карту человека нарисует с точками, куда следует тыкать, чтобы его обездвигить. Желательно тоже с пояснениями по-русски. – Сыщик улыбнулся, но заметив смятение собеседника, поспешил его успокоить: – Я шучу, уважаемый доктор. Не принимайте близко к сердцу.

– Хорошо, – с заметным облегчением выдохнул Захаров. – Я, по правде сказать, совершенно не уверен, что мне удастся продолжить обучение врачебному искусству. О том, как узнать их боевые тайны, даже помыслить не могу.

– Матвей Никанорович, а как вам удалось завести столь солидную клиентуру? Пробриться в круг денежных тузов могут только доктора с именем, как я полагаю

– О, Владимир Андреевич, это оказалось самым лёгким – мне даже делать ничего не пришлось, – улыбнулся доктор. – После отъезда китайцев слава великого врачевателя в нашем доме перешла ко мне. Скоро стали захаживать друзья и родственники дворника, кухарки, мальчишек на посылках. Практики у меня было хоть отбавляй – ваш недуг мучит многих. Я был только рад. Оттачивал и совершенствовал свои умения, проводил наблюдения, пытался что-то улучшить или изменить, но безуспешно, если говорить откровенно. Метод старого Чжэня не терпит новшеств. Так через своего конюха обо мне узнал один из богатых купцов и однажды за мной приехал его роскошный экипаж. Уехал я в волнении прижимая к груди свой простеньких саквояж с иглами, а вернулся в полном смятении, пряча в кармане пиджака чек на немислимую тогда для меня сумму. Довольно скоро я обрёл имя. Маститые коллеги с презрением отзывались о никому не известном выскочке, но больному человеку нужно избавление от страданий, а его давал я, а не слава и авторитет известных имён. Да что мы всё обо мне? Позвольте и у вас кое-чем поинтересоваться?

За окном была сплошная чернота, изредка и лишь на миг разгоняемая жёлтыми пятнами путевых фонарей. Мерный стук колёс нагонял дремоту, особенно после почти бессонной ночи. В такт ему позвякивали ложечки в стаканах с чаем, которые попутчикам принёс на какой-то станции услужливый проводник – есть всё-таки своя прелесть в вагонах первого класса, оправдывающая их стоимость. Владимир Андреевич полулежал на мягком диване, с точностью выполняя указания доктора. На веки наваливалась тяжесть, но сыщик считал, что уснуть сейчас будет невежливо по отношению к Захарову, который терпеливо рассказал ему свою историю, отвечая на все вопросы, поэтому Филатов сказал:

– Спрашивайте, уважаемый Матвей Никанорович.

– Вы не хотели братья за дело, которое предложил господин Морозцев? Оно показалось вам неинтересным?

– Не хотел, вы правы. Думаю, там и впрямь ничего сложного. Хотя купеческий мир – дело такое: снаружи всё чинно и благопристойно, за исключением каких-нибудь экстравагантных чудачеств отдельных купцов, происходящих единственно из-за избыточного богатства. А что происходит там внутри, за закрытыми дверями домов или служебных кабинетов, в их умах и душах – страшная тайна. Русское купеческое сообщество видится таким же загадочным и закрытым орденом, как пресловутые масоны.

– Отчего же? – доктор очень удивился такому суждению.

– Поразмыслите сами. Крупнейшие купеческие фамилии, да и династии рангом ниже почти сплошь происходят из старообрядцев. Вдумайтесь – это сторонники религии, которую преследуют почти триста лет, которая балансирует на грани от полного уничтожения её адептов до выдачи им кое-каких послаблений, делающих жизнь хоть немного похожей на жизнь обычных подданных. И в этих условиях они нажили миллионы. Конкуренцию им могут составить лишь выходцы из еврейских либо немецких фамилий. Чтобы человек обычного православного вероисповедания пролез на самый верх этого золотого пантеона, он должен быть очень знатным дворянином, владеющим обширными землями. Вот так.

– Никогда об этом не думал, – потрясённо сказал доктор. – И Савелий Трофимович из староверов будет... А может и пропавший Ушаков? Не скрыта ли там, действительно, какая-то тайна.

– Падки вы на таинственное и непознанное, Матвей Никанорович. Как ребёнок, – с улыбкой покачал головой Филатов. – Секреты свои у них, наверняка имеются. Возможно, что и в большом количестве, да только нам их никто не раскроет. А что до поиска Устина, то дело и впрямь, скорее всего, заурядное. Отыщется за день или два. Просто господину Морозцеву что-то от него срочно надо, вот купцу и не терпится парня увидеть.

– Савелий Трофимович объяснил же, зачем Ушакова ждёт. Ничего сверхъестественного в их делах, как будто, нет.

– Начнём с того, что Савелий Трофимович вряд ли нам даже полуправду сказал. Такое уж это сословие, ничего не попишешь – деньги любят тишину. Но раз обещал – отыскать нужно. Я хоть и не купец, но слово своё ценю не хуже купеческого.

– Полагаете, что не сам Устин его волнует, а, прежде всего денежные вопросы?

– Думаю, что так. Этого загадочного Ушакова он, конечно, живописал с лучших сторон, расхваливал, но прямо сейчас Савелию Трофимовичу какой-то меркантильный интерес ближе, как я полагаю. Возможно, даже тот, о котором он нам рассказал. Ну этот, про их дела с Цыгановым, а, может, и совсем другой.

– Печально, если так. Получается золотой телец важнее человека. Я надеюсь, что господин Морозцев о пропавшем знакомом прежде всего печётся, переживает за компаньона, а не дела свои через него обстряпать хочет, – вздохнул доктор.

– Вы, Матвей Никанорович, хороший и благородный человек. Идеалист и романтик, уж простите за такое наблюдение. А людьми из круга господина Морозцева движут жадность и тщеславие. Это не обязательно плохо, просто они так живут. Исключения, конечно, бывают, но они крайне редки и уж точно не относятся на счёт нашего с вами заказчика – богатейшего промышленника империи. Сколько я с купеческим сословием дел не имел – всегда эти два качества оказывались во главе угла, – твёрдо сказал Филатов.

В купе на некоторое время воцарилась тишина, едва прерываемая обычными звуками вагонной жизни. Сыщик уже начал клевать носом, как Захаров вдруг сказал:

– Пожалуй, вы правы, Владимир Андреевич. Тут и спорить не о чем.

– Ну и хорошо, что не о чем, – ответил Филатов поудобнее устраиваясь на диване, чтобы поскорее заснуть.

– Историю я вспомнил. Как раз про купца и тщеславие. Смертельно опасный порок, оказывается. Поведать?

– Сделайте милость, – Владимир Андреевич потёр глаза, отгоняя сон.

– Я тогда медицине только учился и помощником у одного врача подрабатывал. Практиковался. Так вот наставник мой лечил одно семейство. Глава его тоже купцом был, правда не крупным – второй гильдии. Лавку держал. Торговал скобяными изделиями и ещё чем-то, сейчас не вспомню. Люди они с женой достойные, поведения чинного, да и дети тоже. У всего околотка пользовался купец уважением, да и в торговом сообществе репутацию имел отмен-

ную. И вот дожил он до юбилея – шестьдесят лет. Солидный возраст, но здоровья был крепкого, поскольку жизнь вёл размеренную и пагубных страстей не имел. Решила тогда купеческая гильдия ему награду у городского начальства выхлопотать за многолетние труды. Прямо к юбилею и успели – медалью на красивой, атласной ленте купца пожаловали. Растрогался старик чуть не до слёз, говорил, что не стоило ради него утруждаться, но по всему было видно, что доволен и горд страшно. А через две недели вызвали нас с доктором к нему домой, только поздно было, пора было батюшку вызывать. Еще через два дня «Вечную память» пропели.

– Что с ним случилось? – спросил Владимир Андреевич. – При чём здесь тщеславие?

– Случилась с ним крупозная пневмония. Дело было зимой, морозы стояли крепкие. Купец медаль на себя повесил, но под тулупом её не разглядишь, вот и катался до лавки и обратно, расстегнувшись, да полы тулупа в стороны раздвинул, чтобы прохожие получше награду рассмотреть могли. И извозчиков просил нарочно помедленнее ехать, чтобы все точно заметили. Переохлаждение, почтенный возраст – вот и всё.

– Поучительная история, – сказал сыщик. – Чего только не случается в жизни! Впрочем, спать пора, засиделись мы с вами.

– Да, пожалуй, – согласился Захаров.

Москва встретила попутчиков запахами копоти и гари, шипением пара, вырывавшегося густыми белыми клубами на перрон, вокзальной толчеей и наперебой кричащими извозчиками. Диваны первого класса, хоть и были превосходными, но до домашней перины не дотягивали. И всё же Владимир Андреевич превосходно выспался. Только тупая боль в спине чуть омрачала это солнечное утро, но сыщик уповал на своего попутчика, который заявил, что они прямо с вокзала отправятся к Филатову, где проведут очередной сеанс лечения. Доктор настаивал на том, что перерывы в его манипуляциях крайне нежелательны, поэтому без всякого отдыха и промедления они продолжают иглоукальвание. Кроме того, Захаров заявил, что его услуги уже полностью оплачены, а значит всё остальное подождёт. Пациент нисколько не возражал. Ещё в вагоне Матвей Никанорович заметил, что у попутчика две трости и сказал, что может взять одну – сам он разгуливал налегке, без тросточки. Филатов поблагодарил, хитро улыбнулся и отдал железную. Доктор взял и чуть не упал при первом же шаге, но одумался и мужественно терпел, хотя чувствовалось, что управляться с такой тяжестью ему сложно – по сравнению с сыщиком, Матвей Захарович был хлипковат. Лихача нашли сразу, загрузили невеликий багаж и отправились к Филатову.

– Поставьте трость здесь. Нужно отдать вам должное – дотащили, хотя не всякому такое по плечу, – сказал сыщик пропуская доктора в квартиру.

– Зачем вы такую тяжесть таскаете?

– Для тренировки. Очень удобно, знаете ли.

– А потом на спину жалуетесь. Я бы рекомендовал вам поменять её на более лёгкую – и самому облегчение, и какой-нибудь добрый человек, который согласится вам помочь, не надорвётся.

– Не сердитесь доктор – не удержался. Вы, однако, крепкий духом человек. Прочие, кто с моей тросточкой прогуляться хотели, уже через пару шагов просили её назад забрать, а вы ничего... терпели. Располагайтесь, не стесняйтесь. Живу я скромно, как видите. Все хоромы: передняя, кабинет, гостиная, да спальня. Не барская квартира. Людской нет – слуг не держу. Мне с дороги умыться надо. Если постучат – сделайте милость, откройте. Это завтрак из кухмистерской принесут, я заказал, – сказал Владимир Андреевич и отправился в ванную.

Матвей Никанорович прошёлся по квартире. Действительно, аскетично, но очень аккуратно. Только в кабинете некое подобие беспорядка. Стол прибран – ни одной лишней бумаги, книги сложены стопкой на углу, карандаши не разбросаны, а лежат на месте. Только вот ровно посередине комнаты стояли две чугунные гири устрашающего размера. Ещё несколько,

поменьше, притаились в углу за книжным шкафом. Через спинку стула был перекинут эспандер. В дверь забарабанили.

– Владимиру Андреевичу завтрак, как он просил, – сказал чернявый мальчишка-посыльный, когда Захаров открыл.

– Несите в гостиную, Матвей Никанорович. Там на стол поставьте, – сыщик вышел из ванной, растирая могучий торс полотенцем. – Можете умыться – помещение свободно. Чувствуйте себя вольно, без стеснения.

Когда посвежевший доктор, прихватив чистые полотенца, вернулся, Филатов уже лежал на диване лицом вниз, готовый к процедурам. Доктор распахнул свой волшебный саквояж, загремел склянками, чем-то зашуршал, а вскоре сыщик почувствовал прикосновение к спине и следом резкий укол. Во второй раз Захаров управился быстрее.

– Ну вот и всё, – сказал он пациенту. – Уже лучше получается, скоро с закрытыми глазами смогу терапию проводить, как Морозцеву. Теперь лежите, отдыхайте. Можете подремать. Минут сорок у вас есть.

– Сколько ваш курс продлится? – спросил Филатов, веки которого отяжелели, но спать он не собирался.

– Как правило, достаточно десяти сеансов. Но это неточно, каждый человек индивидуален. В среднем – десять. Зато потом сможете забыть о болезни надолго, если будете осторожны и будете следовать моим рекомендациям.

– Приложу все усилия, Матвей Никанорович, но ручаться не буду. Жить полужёла очень затруднительно. – сказал сыщик. – Меня при болезни ранее всегда навещал доктор Брокман. Сейчас за ним посылать?

– Можете послать, – пожал плечами Матвей Никанорович. – Растирочки, пиявочки... Толку особого не будет, но и не навредит. Нравоучения высокопарные послушаете опять же, да кошельку облегчение выйдет. Делайте, как считаете нужным, Владимир Андреевич. А вот про атлетический клуб, который я у вас в кабинете увидел, лучше на время забыть. Не нагружайте позвоночный столб.

– Всего лишили, всех радостей, – вздохнул Филатов. – Вы завтракайте, доктор, на меня не смотрите. С дороги кушать хочется, так что не ждите. Я после процедуры своё наверстаю. И чай пейте, пока горячий.

– Прекрасный завтрак. Как говорили раньше: кяхтинский¹¹ чай да московский калач – так завтракает богач. Я вообще ем немного, довольствуюсь малым. У индусов существует теория, что Бог каждому на жизнь выделяет определённое количество пищи – этакую гору, условно. Чем быстрее съешь – тем быстрее жизнь пройдёт, так как добавки не предусмотрено. Согласно моим наблюдениям, умеренность действительно идёт здоровью на пользу. Окончательных научных выводов пока нет, но я работаю и через некоторое время обобщу результаты наблюдений. Не хотите поучаствовать в моём исследовании? Послужите на благо медицины!

– Нет уж, увольте. У меня служба слишком непредсказуемая. Позавчера лезвие финского ножа полвершка¹² до моего горла не дотянулось, так что могу закончить ваш эксперимент не по собственной воле. Не век же мне так везти будет – когда-то кто-то да дотянется.

– А какой у вас план поиска, можно поинтересоваться? – спросил доктор, чтобы увести разговор в сторону от неприятной темы.

– Расскажу, коли интересно. Секрета здесь никакого нет. Нынче запрошу данные по всем неопознанным покойникам в Москве. Проверю – не погиб ли кто похожий. Если такие будут, отправлюсь на опознание. Более ничего делать не буду, поскольку надо в сысшной управе показаться, о результатах командировки доложить. Разве только до дома, где Ушаков живёт, про-

¹¹ Кяхта – город, центр чайной торговли с Китаем в Российской Империи.

¹² Чуть больше 2 см.

гуляю. Посмотрю, что там и как. Может и его встречу, тогда и поискам конец. Завтра, коли дома не отыщу, отправлюсь в Азиатское товарищество и расспрошу там насчёт Устина. Тут уж, наверняка, какая-то ясность настанет. Если нет – надо будет у Юлии Цыгановой расспросить, не видела ли она своего первого помощника на днях. Пока такие мысли.

– У меня ещё вопрос, Владимир Андреевич. Даже не знаю, как и сказать..., – Захаров поёрзал на стуле.

– Говорите, как есть, Матвей Никанорович. Так быстрее все недоразумения разрешим.

– А мне что делать? – доктор заметил непонимание на лице собеседника и продолжил: – Савелий Трофимович оплатил услуги по самому высшему разряду, как за себя. Я же с ним в Нижний Новгород на две недели ездил, вот он и рассчитался, не за время приёма, а за целый день – пациентов своих мне оставить пришлось. Приходилось, правда, всё время находиться неподалёку от него, а о любых отлучках предупреждать, чтобы купец всегда мог меня найти. Моим временем, вы тоже можете располагать, как заблагорассудится. Я готов и в розыске помочь. Только не хотелось бы, чтобы недалеко от моей шеи лезвие ножа мелькало, боюсь не справлюсь – у меня ваших умений нет.

– Вот в чём дело..., – Филатов задумался. – Сеансы наши будут проходить по утрам, а после них располагайте собой, как заблагорассудится. Вернитесь к своим пациентам – вдруг они месяц разлуки не перенесут. С поиском Ушакова я справлюсь сам. Хотя...

– Что такое? – оживился доктор.

– Можете почувствовать себя настоящим сыщиком. Вам же нравится всё новое.

– Я готов, господин Филатов.

– Там дело пустяковое – дойти до госпожи Цыгановой и поинтересоваться, не объявлялся ли Устин. Для сохранения конфиденциальности, которая так заботит господина Морозцева, являться к ней в полицейском мундире неуместно. А вот частным порядком поинтересоваться где он, будет полезнее для дела. Под каким предлогом я к ней заявлюсь – пока не могу придумать, даже в голову ничего не идёт. Может под вас какую-нибудь легенду сочинить получится?

– А что, если я представляюсь доктором, как и есть? Скажу, что Ушаков обещал мне из Азии яд кобры привезти для исследований. Мы условились встретиться, но теперь его нигде нет. В Азиатском товариестве направили к ней, поскольку сами Устина давно не видели.

– Прекрасная идея. Будьте добры, посетите эту роковую женщину. Только аккуратнее – не попадите под её чары, хотя... Завидная невеста, богатство..., – Филатов подмигнул доктору и улыбнулся.

Матвей Никанорович снял с пациента иглы, переписал себе адрес Юлии Егоровны и собеседники, условившись обменяться новостями завтра, разошлись по своим делам. Владимир Андреевич до полицейской управы решил добратся пешком. Погода стояла чудесная – тепло, солнечно. Сыщик наслаждался прекрасным летним днём и шёл не спеша. Обычно природные явления проносились мимо незамеченными. Служебные хлопоты не оставляли времени, чтобы радоваться лёгкому морозцу и хрусту снега под ногами или майской свежести после недавно отгремевшей грозы. Сейчас же Филатов с удовольствием ловил тёплые солнечные лучи, любовался зеленью деревьев, ещё практически не тронутую осенней желтизной. Когда показалось знакомое здание сыскающей управы в Большом Гнездиновском переулке, Владимир Андреевич даже расстроился, что моцион подошёл к концу, но тотчас дал себе слово продолжить прогулку, как только закончит здесь свои дела. Сыщика там поджидали уже с утра. Филатова сразу попросили в кабинет начальника сыскающей полиции, где изнывал в нетерпении Дмитрий Фёдорович Трепетов – исправляющий должность Московского обер-полицмейстера – вместе с хозяином кабинета Владимиром Романовичем Рыковым. К рассказу Владимира Андреевича они отнеслись по-разному. Обер-полицмейстер, человек военный, ветеран русско-турецких войн, ждал подробностей азартного сражения. Рассказ сыщика, который делал упор на то, что операцию удалось сохранить в полной секретности, нигде не произошло утечки, впечатления на

него не произвёл никакого. Зато Владимир Романович, знавший полицейскую службу с самых низов, одобрительно цокал языком и задавал дельные вопросы. Дмитрий Фёдорович, которому надоело слушать эту, ничего не значащую по его мнению болтовню, попросил сразу перейти к деталям задержания, но когда узнал, что Филатов стоял на отшибе, совсем разочаровался. Сыщик, чтобы сгладить впечатление перед начальством, рассказал про задержание Казимира, по кличке «Змей».

– А вот это славно, Владимир Андреевич, – сказал довольный обер-полицмейстер. – А то заладили тягомотину: агенты, пароли. Только рискованно на такого резвого субъекта с одной тростью идти. Ловок он, как я слышал, и кровь пустит не задумываясь. Револьвер надёжнее.

– Зачем? – удивился сыщик. – Из револьвера и застрелить можно ненароком. Тростью, если поучить, тоже мало не покажется.

– Трость ваша – да! Пробовал, признаюсь, как-то поднять, наслушавшись рассказов. Тяжела. Ну да у вас сложение богатырское – ходите, коли удобно, а мне с простреленной ногой неловко, – сказал Дмитрий Фёдорович. – Мне варшавский полицмейстер телеграфировал, что ящик зубровой настойки пришлёт в благодарность. Казимир этот – отпетый негодяй, неисправимый. Много крови тамошним служивым попил. Так что считайте, что благое дело сделали, господин Филатов. Настойкой непременно угощу! Эх, поди, удивился поляк, когда узнал, что московский чин сыскной полиции одним ударом кулака прихлопнул сволочь, которую они столько лет взять не могли! Пусть знают наших!

– А что сейчас со Змеем? – спросил Владимир Андреевич.

– Болтается который день между небом и землёй. Всё никак не приберут его черти, – ответил начальник сыскной полиции Рыков. – Доктора разводят руками. Говорят, что уж очень сильно вы его приложили. Выживет ли, нет ли предсказать не берутся. Это одному Господу Богу известно.

– Помрёт – невелика потеря. Туда ему и дорога. Полицейского чиновника убить хотел, с ножом напал! Виданное ли дело! – хлопнул рукой по столу обер-полицмейстер.

– Что-то за время моего отсутствия в Москве произошло? – спросил Владимир Андреевич, чтобы отвлечься от щекотливого вопроса.

– Бог миловал, – ответил Владимир Романович. – Революционеры и террористы копошатся, никак не угомонятся, но это охранному отделению разбираться. По криминальной же части всё тихо. Мелочью сотрудники занимаются, серьёзного ничего нет. Отдохните несколько дней, по нижегородскому вояжу своему бумаги приготовьте.

– Тогда, с вашего позволения, господа, проверю сообщение об исчезновении приказчика Устина Ушакова. Московского мещанина, приказчика купца Цыганова. Пропал что-то около пяти дней тому назад. Наверное, ерунда, но...

– Пропал Устин? – весело спросил Трепетов и добавил солёную армейскую шутку от которой сам же захохотал: – Да и ... с ним!

– Савелий Трофимович Морозцев просил разобраться, – Филатов подождал, пока начальник отсмеётся.

– Морозцев..., – задумчиво протянул Рыков. – Тогда можно и похлопотать. Глядишь, пожертвует что-нибудь на нужды нашего ведомства. Как вы считаете, Дмитрий Фёдорович?

– Делайте, что считаете нужным, – обер-полицмейстер махнул рукой.

Так, осенённый начальственным благословением, Владимир Андреевич, как и собиравшись, отправился в доходный дом, выстроенный купцом Цыгановым, где квартировал Ушаков. Путь предстоял неблизкий, но Филатов наслаждался неспешной прогулкой. Пару раз он ловил себя на мысли, что совершенно не чувствует спину, и поражался огромной разнице с тем, что он чувствовал ещё вчера, гуляя на ярмарке в Нижнем Новгороде. «Дожил! Радуюсь, что ничего не болит и могу ходить. Старею...», – философствовал про себя сыщик. Известие о том, что пленённый им Казимир при смерти, не встревожило и не взволновало. Владимир

Андреевич ещё раз вспомнил свою краткую встречу с ним, злой взгляд почти бесцветных глаз, гуттаперчевую подвижность и ловкость противника. В тот миг на окраине Нижнего Новгорода, на пыльной, тёмной дороге все законы и инструкции утратили свою силу, оставив лишь один вопрос: «Кто кого?». Повезло Филатову, а беглому вору нет. «Когда-то и от меня удача отвернётся. Кто-то окажется ловчее и быстрее. Годы идут, инстинкты слабеют. А пока радоваться надо, что живой», – равнодушно думал сыщик.

До нужной улицы он добрался порядком утомившись – путь был неблизкий. Тот самый дом стоял в конце ряда аккуратных, чем-то похожих друг на друга, доходных особняков, в которых квартиры сдавались внаём. По всему было видно, что живут здесь люди небедные: чиновники средней руки, служащие крупных компаний, инженеры, адвокаты или ещё кто с хорошим достатком. Место было тихое, напротив домов была высажена красивая аллея. По улице неспешно прогуливались женщины с корзинами различной снеди, то и дело останавливаясь поболтать друг с другом – экономки готовились к приходу хозяев со службы. Дворники лениво мели мостовую, перекидываясь шутками. Филатов дошёл до угла улицы. Дом, выстроенный Цыгановым, стоял буквой Г. Хозяйский флигель был перпендикулярен основной части, занятой жильцами и выходил окнами на другую улицу, спрятавшись за железной оградой. Сыщик подёргал калитку – заперта. Подёргал ручку звонка – никто навстречу не вышел. Живая изгородь из кустов, высаженная вдоль чугунной решётки, надёжно скрывала окна от любопытных глаз. Владимир Андреевич дошёл до конца флигеля, упрятого со всех сторон за зелень насаждений. Рассмотреть, что внутри, не получалось, а дальше уже другой дом. «Может перемахнуть через ограду? А дальше что? Дверь вскрывать?», – размышлял сыщик, но осуществлять задуманное не стал – толку не было. Вместо этого Филатов вернулся на улицу, где располагалась основная часть дома, и подошёл к дворнику, позёвывавшему от разморившей летней жары.

– Здравствуйте, я из московской сысской полиции. Ищу здешнего жителя Устина Андреевича Ушакова, – Владимир Андреевич достал из кармана краешек казённой бумаги.

– Он во флигеле квартирует, – швейцар заполошно поправил фуражку, смахивая сонную одурь. – Нешто натворил чего? Не похоже на Устина Андреевича – благопристойного поведения молодой человек, воспитанный.

– Ничего не натворил. Думаю, что он располагает некими сведениями, имеющими интерес для полиции. Просто побеседовать хотел. Во флигеле никто не открывает.

– Так уехал господин Ушаков уж две недели как, аккуратно на Илью-пророка¹³. Предупредил: уезжаю, мол Митрофан. Вернусь через неделю. Только вот с тех пор и не объявлялся.

– Странно, – сказал Филатов. – Долго уже отсутствует.

– Бывает это у него, – ответил Митрофан. – Дел много, уезжает часто, порой по несколько месяцев дома не бывает.

– Вдруг Устин приезжал, да вы не заметили?

– Это решительно невозможно. Он перед отъездом всегда мне ключ от квартиры доверяет. Живёт молодой человек скромно, прислуги не держит. Ворота всегда сам открывает.

– А ключ при вас? – сыщик насторожился.

– Вот он, ключик, – Митрофан достал из кармана звенящую связку и показал на один из ключей. – Не приходил за ним господин Ушаков, стало быть в Москву ещё не вернулся.

– И никто его не спрашивал?

– Нет, вы первый. Он вообще дома никого не принимает. Работает допоздна, званных вечеров не устраивает. Простой он человек, из народа, хоть и высокого положения достиг. Я таких сразу вижу. Люди знатные меня и не замечают, мимо идут, головы не повернут, а этот завсегда доброго дня пожелает, о здоровье справится.

¹³ 2-е августа.

– С чего вы взяли, что Ушаков высокое положение занимает? – поинтересовался Владимир Андреевич.

– Ну а как же? Спозаранку уже на службу спешит, где до самого позднего вечера и пропадает. Часто в разъездах. В приказчиках у богатого человека ходит, значит и сам фигура не маленькая.

– Никого, значит, у него не бывает?

– Нет, так чтобы кто-то постоянно приходил – нет. Улица у нас тихая, как видите. Все люди на виду. Он и сам часто в разъездах, ну да я это говорил уже.

– А как же, прошу прощения за любопытство, девицы? Устин – человек молодой, кровь играет... Может невеста у него была?

– Про невесту не знаю, но полагаю, что обзавестись ею не успел. Сюда никого не приводил, Боже упаси. Правда, в последнее время может и появился кто, но точно не скажу.

– Откуда такие догадки?

– Да за пару месяцев до отъезда стал Устин часто дома не ночевать. Уйдёт поутру, а возвратится назавтра. И частенько так, раза по три на неделе. Может с барышней какой это связано, только спрашивать я не стал – неудобно.

– Неудобно, вы правы. Давайте до квартиры его дойдём. Посмотрю, что да как. Вы тоже поприсутствуйте, засвидетельствуете в случае чего, что полицейский произвёл осмотр, вещей не трогая и не забирая.

– Как прикажете, – согласно кивнул Митрофан.

В квартире ничего интересного не обнаружилось. Видно, что там никто давно не был – тонкий слой пыли успел появиться на полу и мебели. Одежда аккуратно висела в шкафу, вымытая посуда стояла в буфете, всё на своих местах. Обстановка вообще была простой, как и у самого Владимира Андреевича – ничего лишнего, ничего, что выдало бы какие-то особые пристрастия Устина, вроде гирь у сыщика. В углу кабинета стоял несгораемый шкаф, наверняка с рабочими документами, но ключ, по словам швейцара, был у Ушакова. Замок цел, без подозрительных следов. Люстры, диван, стол и кресла покрыты тканью – первый признак, что хозяину долгое отсутствие дома не в диковинку. Филатов прошёлся по комнатам, заглянул везде, но ничто не привлекло его внимания – уехал человек и уехал. Собирался не второпях, основательно, кругом порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.